

Екатерина Иноземцева

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	3
Часть первая: фарфоровая куколка	13
Часть вторая: петербургская барышня.....	30
Часть третья: унесенная веером.....	48
Часть четвертая: барыня-крестьянка.....	54
Часть пятая: гостья из будущего.....	66
Ягодка на тортике.....	68
Слово автора из 2026.....	71
Пряности, радости, благодарности.....	79

Предисловие автора

Я нашла тебя в старом файле.

Ты лежала там пятнадцать лет.

Ну как «лежала». Ты вообще-то вполне себе жила всё это время. Гуляла по Петербургу, спорила с Москвой, влюблялась, дружила, искрила, искала смыслы. Немного выпендривалась, много размышляла и с той восхитительной серьёзностью, которая бывает только у очень молодых людей в попытке понять, как устроена жизнь. Но так-то они, конечно, уверены, что всё про эту жизнь уже поняли.

Просто я тебя не открывала.

Пятнадцать, боженьки, лет!

Честно — ума не приложу, почему именно сейчас.

Может быть, в пресловутые сорок мы начинаем понемногу разбирать собственные завалы. Открываем шкафы, в которые давно не заглядывали. Находим фотографии, старые письма, забытые планы. Обнаруживаем где-то на антресолях ту себя, которую когда-то засунули с глаз долой из сердца вон. Затеваем генеральную уборку внутреннего дома, не зная чем она закончится.

И тут вдруг обнаруживается не находка, но сокровище. Она (оно) никуда не делось — лежала себе спокойненько в .doc файле пятнадцать лет.

Мне было 25, когда я написала книгу о петербургской барышне юных лет.

Я уже готовила её к изданию в настоящем издательстве с величественным названием. Был согласованный макет и вёрстка. Шикарные авторские иллюстрации моей школьной подруги. Были разговоры, планы, надежды, какая-то издательская суэта. Я стояла, как мне тогда казалось, почти у самой двери.

Но...одно, другое, третье...смена собственника... ну короче. Какое-то жизненное такое, как бывает у нас всех.

В общем, жизнь ушла дальше, и я побежала взахлёб за ней. Мне было (всего!) 25, уже был успешный опыт издания первой книги, впереди все дороги и полные штаны новых горизонтов, среди которых этот просто затерялся — среди тысячи других единорогов.

Сегодня я её открыла и встретилась с собой 25-летней. Пока не решила, что делать с этим дальше. Пожалуй, буду показывать вам.

Так я написала своим читателям в соцсетях в сентябре 2026, как только обнаружила этот старый файл. Всё как есть, ни капли художественного преувеличения. Мне самой тонко и звонко разбираться в этой истории встречи с собой 25-летней, будучи сорокалетней мамой с детьми и бандеролями опыта.

Что ж, продолжу...

Мне было 25, и за следующие 15 (всё ещё не могу поверить!) лет произошло столько всего, что иногда я сама с трудом понимаю, каким образом та барышня вообще имеет ко мне отношение.

У неё был Петербург. Потом Москва.

Сочи. Лос Анжелес.

Бали, Индия, Мексика, Америка...

Первый ребёнок, второй, третий, собака...

У неё были одни представления о будущем.

У меня теперь совершенно другие воспоминания о прошлом.

Она ещё не знала многого.

Не знала, получится ли построить семью и будут ли у них вообще дети (тут взвизгнуть и перекреститься).

Не знала, сколько раз будет начинать сначала.

Не знала, что однажды будет жить в 20 минутах от американского Saint Petersburg и там даже будут разводные мосты. Оттуда смотреть на оригинальный Петербург своего детства, разглядывать собственную юность с расстояния, когда всё начинает казаться немного выдуманным.

Она вообще очень многое не знала.

И, господи, как же она была в этом уверена!

Я читаю её теперь и придурочно смеюсь.

Иногда хочу взять красный карандаш (лучше даже жирный липстейн) и начать немедленно спасать текст.

Вот здесь убрать.

Здесь сократить.

Здесь, пожалуйста, не объясняй шутку дважды!! — это звучит «для вас, идиоты» 🤪 будь выше, тоньше, острее, Катя...

Здесь не нужно так стараться быть умной. Твои люди поймут. Но тогда ты не была в этом уверена и даже не знала, а кто они — «твои люди»?

Здесь можно было бы легче.

Здесь вообще меньше слов...

А здесь, Катя, ну признайся, ты просто очень хотела показать, что знаешь Эшера.

Ну и да, блин. Ты хотела показать именно это!

Я вижу это так, как мама видит ребёнка, когда он пытается соврать, а «на лбу у тебя фиолетовая точка».

Я вижу тебя всю.

Твою уверенность (с приставкой само-) и твою литературную жадность.

Наслаждение собственной способностью связывать совершенно несвязуемые вещи (которая получалась, надо признать, и тогда уже хорошо).

Твою любовь к культурным ссылкам, посылкам и отсылочкам, метафорам и длинным предложениям (которые, чёрт возьми, никуда не делись).

Твою почти физическую потребность сделать из обычной жизни немного литературы. Держите меня семеро, не удержали.

Твою веру в то, что, если достаточно внимательно посмотреть на окружающий мир, он обязательно окажется смешнее, красивее и абсурднее, чем кажется другим людям.

Ладно, всё с тобой ясно.

Дальше-то что?

МЕЧТЫ, КОТОРЫЕ МЫ ПОТЕРЯЛИ

— *Алло! Бюро потерянных мечт?*

— *Здравствуйте. Вы ищете или нашли свою?*

Когда я случайно нашла этот файл с книгой, которую написала 15 лет назад и которая по стечению обстоятельств осталась ждать своего часа, оказалось что нашла совсем не его. Эта история развернулась для меня в совсем другую плоскость: что будет, если встретиться с собой двадцатилетней и попробовать исполнить давнюю мечту?

...Вопреки и внезапно. Ха!

Я решила тебя (себя) не исправлять.

Не переписывать девушку, которой была 15 лет назад, сейчас в свои «нажитые непосильным трудом» 40.

Вот не делать её современнее. Оставить в руках корпоративный Blackberry, которым она так гордилась и который иногда не влезал в её же микроскопические сумочки.

Не делать её мудрее. И даже не править «мудрые» фразы, которые сейчас читать смешно (глазами взрослого, который читает подростка).

Не объяснять ей то, что знаю о жизни теперь. Удивительная штука... знаю даже о ней.

Не исправлять ошибки задним числом. И вообще признать, что они есть, были, и в этом нет ничего ужасного. Зато с ними стала я.

Не отнимать у неё её же самоуверенность только потому, что сегодня я уже понимаю цену сомнения, критики и непрошеного совета.

Не заставлять её говорить голосом женщины, которой она ещё не была. Не мудреть заранее наперёд. Не быть в 25 сорокалетней мной.

Да даже не добавлять ей точки над ё! Потому что тогда я не ставила, а потом «кааак поняла» — и ставлю до сих пор.

Эта книга написана в 2011 году.

И она должна остаться там.

В мире, где были Blackberry и другие элементы эпохи, которые сегодня уже археология. В мире до Инстаграма и Chat GPT. До моих многочисленных переездов. До той жизни, которую я тогда даже не умела себе представить. В общем, 40-летняя автор смогла не уничтожить 25-летнего автора, а увидеть и признать. Аминь.

Эта книга получилась забавной эссеистикой 2000–2010-ых. Она как выпуклый калейдоскоп жизни, которую мы переросли, но из которой выросли и пошли дальше шагать по планете Земля, выйдя за пределы собственных представлений о прекрасном. Она, безусловно, покажется где-то наивной и узкой, как старая юбка, в которую мы пытаемся влезть новыми бёдрами после рождения детей. Но уже не помещаемся в раздавленные

размеры своего психологического и ментального, ведь тогда сами были практически детьми.

Побывать там и снова пережить этот опыт может оказаться весьма целительно. По крайней мере, для меня это было так. Я выросла из той девушки, но без неё не было бы такой сейчас меня. И кажется почему-то, что все мы немного «петербургская барышня» 2010-ых, когда идеализм юности еще не узнал реализма зрелости. Теперь же уникальное время в районе сорока их соединить.

Что ещё я поняла, читая этот текст.

Мы довольно жестоки к себе прежним. Нам кажется, что взросление обязательно должно сопровождаться некоторым высокомерным отношением к собственной молодости.

«Какая я была глупая». Какая наивная. Как этого не понимала. Как этого не учла...

После 35–40 мы часто живём в режиме ретроспективного суда над собой:

надо было раньше понять; надо было не выходить замуж; надо было уехать; то есть не уезжать; выбрать другую профессию; родить; не родить; надо было родить раньше; надо было доверять или не доверять; надо было быть умнее... и столько ещё сослагательных императивов.

Но что именно мы хотим сделать с этой девушкой? Вернуться назад и выдать ей инструкцию как жить и кого любить? Техническое задание, как быть счастливой?

Куда не ехать? Что не писать? Где не ошибаться? Какие мечты выбирать?

Та девушка — тоже я/мы.

Она не была черновиком сегодняшней меня, не была неудачной ранней версией, не ждала 15 лет, чтобы я пришла и объяснила ей вот прям шас, как надо было жить.

Зрелость — это не смотреть на себя юную с превосходством, а наконец увидеть себя с нежностью.

Эта книга во многом о Петербурге, но он лишь прекрасная оболочка и, как водится, литературный герой.

Книга больше о том, как человек становится собой. Я ожидала встретить в старом файле чужого человека. А встретила очень близкую себя. И я приглашаю не оправдывать себя молодую и не судить её, а признать авторство этой женщины в собственной жизни. Это значительно глубже, чем «верить в себя» или искать теперь «лучшую версию».

Ведь сколько у нас всех таких старых файлов?

Начатая книга. Недописанная картина. Неосвоенное хобби. Заявка. Диплом. Песня. Проект. Письмо. Стартап. Признание. Встреча.

Тогда мы намеренно использовали парцелляцию и выделяли ею важные слова, потому что так учили в школе, а теперь у нас отобрал его чат гпт, и это стало дурным тоном... Но мы-то знаем!.. Мы-то знаем.

У каждого из нас найдётся своя находка в Бюро потерянных мечт. Что-то, чему не дали тогда случиться, потому что жизнь убежала вперёд, но что точно было частью вашей идентичности. Это что-то можно найти сейчас и вдохнуть в это жизнь.

Тут просится красивое приглашение для вас — выудить такие мечты из старого файла. Поискать себя 25-летней, что там не срослось или не вышло, не зашло. Но... это было бы слишком поверхностно для таких высокоорганизованных созданий. В 2010-ые у нас ещё не было модных слов, чтобы это как-то обозначить и назвать. Не было никакой «самоценности, проявленности, реализованности» и мы не собирались «распаковывать себя» (тьфу! запаковать бы теперь себя обратно в старое удобное пальто). Всё это элементы совсем другой эпохи, и тем любопытнее рассмотреть свою жизнь до того. Но мне бы очень хотелось, чтобы эта книга вышла за пределы книги и коснулась вашей собственной жизни.

Послесловие к предисловию,

или что я поняла за время общения с этой несбывшейся мечтой

У меня до сих пор осталась привычка превращать происходящее в историю.

До сих пор есть любовь к красивым конструкциям. На этом месте вспоминаю своего научного руководителя в аспирантуре, Сутырина Сергея Феликсовича, всех благ ему, который писал на полях моей диссертации «Красиво, аж жуть!». Был, в общем-то, справедливо прав. Хотя я тогда обижалась.

До сих пор есть склонность искать смыслы там, где нормальные люди уже давно ушли пить кофе.

До сих пор эта моя внутренняя барышня считает местами, что жизнь непременно должна быть немного более литературной, чем она есть. Хотя стиль изложения изменился, остался способ мышления. Если у вас найдутся старые письма или черновики, иже посты в соцсетях десятилетней давности, — проделайте это удивительное упражнение, повстречайтесь с собой через тексты. Гарантирую открытий массу чудных, и «опыт, сын ошибок трудных».

Книга была написана в 2011 году, и отображает что происходило там, в Петербурге 90-ых моего детства, в 2000-ых университетской юности в СПбГУ и 2010-ых корпоративного московского Сити. Сейчас некоторые части читать смешно от слова наивно. Особенно там, где «петербургская барышня» смотрит на москвичей, регионы, корпоративный мир, массовую культуру сверху вниз. Да простим её наивность, дорогие читатели. В юности мы все так смотрели. Опять же аминь.

Сорокалетняя Катя прекрасно понимает, что эта самоуверенность была частью тогдашнего внутреннего мира. Более того, считает (в смысле считаю — говорить о себе в третьем лице это уже совсем «мы, царь Николай II») — так вот, искренне считаю, что иногда читателю даже полезно пораздразниться на героиню и выбеситься от её юношеского снобизма. Нам всем полезно чувствовать разное по отношению к своему прошлому. Иногда это разное позволяет чётче чувствовать настоящее.

Ещё я не могу теперь развидеть, как легко мы бросаем собственные мечты.

Не почему и ни за чем. Просто происходит жизнь, что-то более срочное, более взрослое, рациональное, солидное. Мы говорим себе: «Да ладно, когда-нибудь потом. Ещё вернусь к ней».

Ещё успею... Когда будет время, дети вырастут, станет спокойнее, появятся деньги — нужно подчеркнуть. Когда будет понятнее или когда я снова буду похожа на себя (изменюсь, похудею, сделаю подтяжку).

И потом однажды нам сорок, мы открываем старую папку. И там лежит что-то, от чего мы когда-то ушли. Какая-то недописанная книга, недорисованная когда-то картина. Билет в страну, в которую мы так и не поехали. Список из ста желаний, а может, трёхсот. (Да-да, я знаю, что уже повторяюсь, но согласитесь, здесь оно хорошо).

Есть вопрос, который мне кажется гораздо интереснее вопроса «не поздно ли». Не поздно ли — какой-то уж очень простой.

Гораздо интереснее спросить: «Какого чёрта лешего я решила, что должна была перестать этого хотеть?»

Возможно, некоторые мечты действительно заканчиваются. Вообще норм.

Мы меняемся, не каждая версия нас должна быть реализована. Вообще не каждую дорогу нужно пройти до конца, не за каждого выйти замуж и не каждый проект успеть. Желательно ещё не убится, прыгая между всеми этими проектами, отношениями, родственниками и зависящими от нас людьми.

Но... есть ещё и другой ракурс. Помните эти звезды, которые «кто-нибудь каждый день зажигает, и значит, это кому-нибудь нужно»?

Короче. Иногда мечта не умирает. Это тоже важно распознать и признать.

Она вот так, как моя, лежит себе в старом файле и ждёт, пока вы снова её откроете. Или услышите знак свыше строчками здесь. Ммм?

Эта книга пролежала у меня пятнадцать лет. За это время я прожила пятнадцать разных жизней.

И всё же однажды вдруг открыла папку и встретила девушку, которая когда-то очень хотела, чтобы эту книгу прочитали. Я несколько раз закрывала файл со словами: «Не, ну это надо было убрать».

Открывала снова. Мне вдруг стало очень жаль снова терять персонажа, которого я когда-то создала.

В итоге между всеми этими рефлексиями, тараканами и сомнениями она выходит такой, какой была написана. А я остаюсь такой, какой стала, но не стала бы без тебя, моя милая Петербургская барышня.

Эта книга — лишь отчасти про Петербургскую барышню, и мне бы очень хотелось, чтобы каждая увидела себя в ней.

Мы все придумываем себе легенды. Назначаем встречи в местах, которых уже нет. Продолжаем ходить по маршрутам, которые когда-то были нашими. Иногда приходим туда и обнаруживаем, что дверь давно закрыта, а иногда — совершенно неожиданно для себя — толкаем ещё раз, и она открывается. Романтизируем будущее (или уже нет). Вспоминаем юность и «ты помнишь, как все начиналось». Верим в чудеса. А потом начинаем их создавать и сами становимся дедом морозом.

Я не знаю, что лежит в вашем старом файле.

Но, может быть, после этой книги вы тоже захотите заглянуть туда и понять.

Уверяю вас, это будет удивительное приключение. Напишите мне, если решитесь на него: **spb.baryshnya@gmail.com**

Вдохновения и желания вдохновлять!

Катя 22.09.2026 (Clearwater, Florida)

Часть первая: фарфоровая куколка

Петербургские барышни очень особенные: они совершенно четко знают кто они и откуда они. И в этом своем жестком самоопределении с маниакальным упорством наступают на одни и те же грабли. Нимфам с берегов Невы досталось нелегкое интеллектуальное и психологическое наследие: они легкоубеждаемы, внушаемы, наивны, нежны. Верят идиотам, притягиваются к самовлюбленным подонкам, обнаруживают в себе самозванку по поводу и без, бесконечно пытаются стать лучше самое себя, хотя лучше уже не возможно. К двадцати годам они собирают увесистый чемоданчик ошибок и опытов, которые принято называть уроками. Потом стоит немалых трудов признать, что все это время они тащат его без ручки.

С самого детства петербургская барышня свято уверена в том, что неслучайно родилась в лучшем городе мира. Был в этом какой-то особый знак или даже целое предназначение! Ничего удивительного: каждому ребёнку в детстве рассказывают, что его город-край-посёлок особенный и потому достоин пера поэтов, гармонии музыкантов. А маленьким девочкам из града Петрова с самого детства внушают, что их город не просто самый лучший, а лучше лучшего: наикрасивейший, наизамечательнейший, наипрекраснейший и прочие превосходные формы. Эдакий не город даже, а... Место сакрального возвышения и духовного притяжения. Если бы у мира была одна столица — она бы была Петербургом.

А значит, надо этому городу соответствовать. Это ограничивающее убеждение навсегда оседает гранитовой пылью на светлых крыльях у них за спиной.

здесь и далее: иллюстрации Ольги Смирновой (2014)

Однажды после известных исторических событий...

- *Малыш, ты знаешь, в каком городе мы теперь живем? – папа усадил Катеньку на стульчик перед собой и хитро улыбнулся.*
- *В Санкт-Петербурге! – с гордостью воскликнула маленькая петербургская девочка.*
- *Не совсем так... Понимаешь... - папа с усилием подбирал слова, чтобы как объяснить дочери очередной исторический оксюморон. – Действительно, мы живем в Санкт-Петербурге, но еще вчера мы как будто бы жили в другом городе. Ты помнишь его название?*
- *Эээ... - маленькую Катеньку застали врасплох. – Может быть, Москва?*

- *Нет, - улыбнулся папа, - конечно, нет. Москва как стояла, так и будет стоять. А вот с нашим городом за эту ночь случилась метаморфоза!*
- *Петербург-Санкт? Санктный Петербург? Питер? Он теперь называется Питер? – гадала Катенька.*
- *Питером мы его тоже называли. Я, ты и мама. А вспомни, как наш город называли бабушка с дедушкой или дядя Саша из Челябинска?*
- *Ааа! Они всегда говорили Ленинград! – догадалась девочка.*
- *Точно. А теперь он всегда будет называться Санкт-Петербург, это его историческое название.*

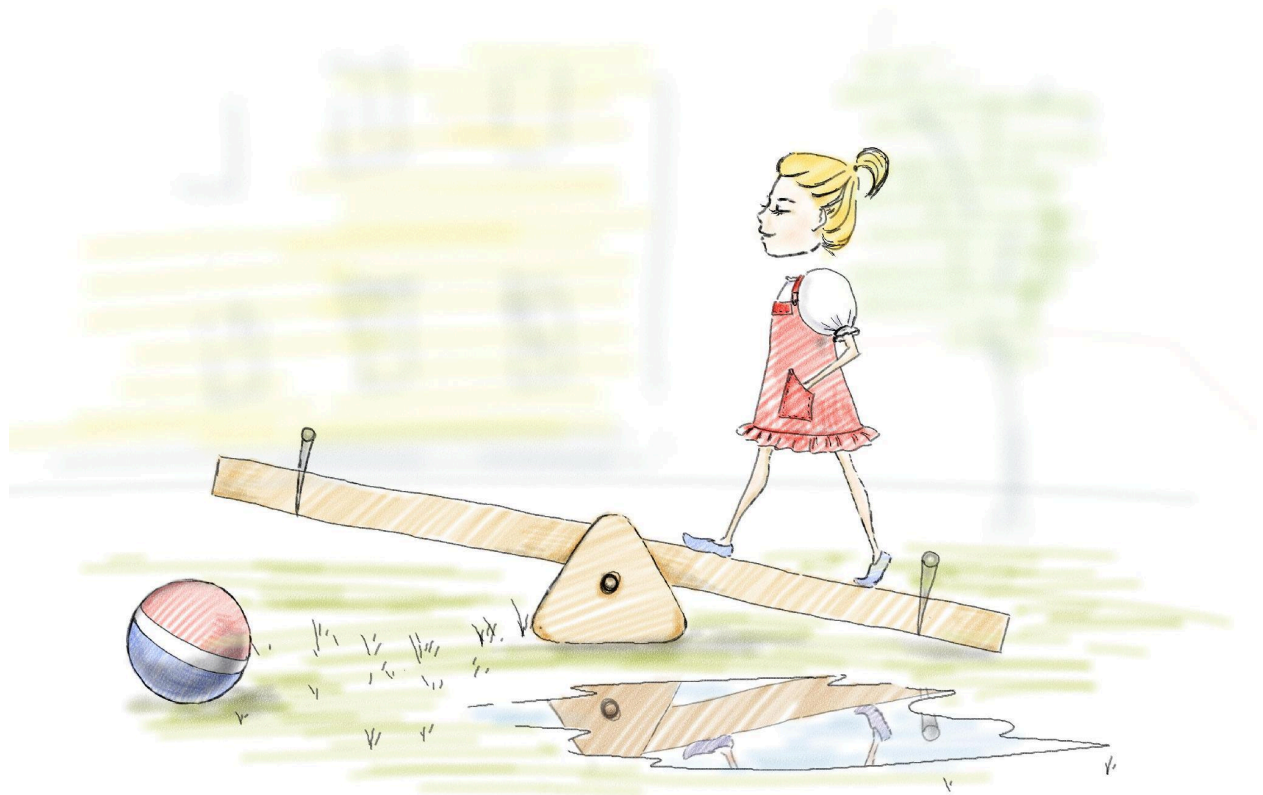
(Быль, 7 сентября 1991 года)

В детстве маленькие петербургские девочки ходят в обычные детские сады. Там с ними не происходит ничего особенного: дерутся с мальчиками, терпят манную кашу на завтрак, и она не падает вниз, если перевернуть тарелку, изучают английский язык наряду с музыкой и ритмикой.

На выходные их выдают родителям, чем застают врасплох. Ох, уж эта питерская интеллигенция! Папа пишет диссертацию, мама работает младшим научным сотрудником в паре-тройке доисторических институтов, бабушка целыми днями перечитывает произведения русских классиков, поэтому тоже вечно занята. Детей воспитывать некогда. Неотложные дела (выступление в научном совете, опыты на лягушках, неизданный пятый том «Войны и мира») не оставляют никаких шансов чутким интеллигентным родителям прийти за ребенком вовремя, и тогда умудренная опытом воспитательница, тяжело вздохнув, забирает ребенка к себе домой. Запыхавшиеся родители вытаскивают его оттуда, уже когда Хрюша со Степашкой объявили ночь, и волокут что есть силы домой. По выходным ситуация упрощается: ребенка можно сдать вместе с бабушкой в Эрмитаж, отправить на спектакль в театр или, на худой конец, в цирк Чинизелли... Вместо увеселения там ребенку проведут очередную экскурсию и заставят выучить, что это первый цирк Петербурга, построен итальянцем Чинезелли в 1877 году, по Фонтанке слонов водили, а каждому слону в петровские времена полагалось 126 ведер

вина в месяц. Как эта информация пригодится девочке в жизни, никого не волнует. Может быть, когда-нибудь она напечатает ее в своей книге.

«Папа, я пойду гулять. Что мне надеееет?» - хныкает первоклассница Катенька. «Не надеть, а одеть: надевают на кого-то, а одевают что-то», - машинально поправляет папа. – «Ну можешь одеть вот это. Кстати, что это?..» - папа протягивает ребенку чудный красный фирменный сарафанчик. У него железные застёжки на манер подтяжек, надевается он на белую шифоновую блузу.

Катенька с подозрением смотрит на папу, потому что все же «надеть», но больше удивляется выбору наряда: «Мы же одеваем это только по праздникам! Мама говорит, в нем нельзя гулять, а то запачкаю». Папа, не

глядя на дочку, советует не пачкаться, продолжая стучать по клавишам печатной машинки.

Не веря своему счастью, Катенька одевает нарядный сарафанчик и выбегает во двор. «Какая же я красивая!» - думает девочка. - «Все будут смотреть только на меня! Раз я хожу гулять и лазаю на турнике в таком сарафанчике, что же у меня тогда еще дома есть...для настоящих праздников».

Катенька крутится на турнике, бегают по стадиону, по привычке забирается на крышу детского сада аки заправская обезьянка. Вот только вокруг ни души. Оценить ее нарядный сарафанчик некому.

«Если некому оценивать – значит, буду оценивать сама», - решает Катенька. И на всякий случай еще раз обходит двор, демонстрируя отсутствующим зрителям модный фасончик. Так Катенька получает инсайт, достойный тренинга личностного роста: нет смысла разделять вещи на праздничные и обычные, потому что никто, кроме тебя, не знает что из них что. А если и знает, то его может не оказаться во дворе в тот момент, когда красный сарафанчик вышел прогуляться.

В первом же классе ребенка сдают в кружки. Фотоохота, корабельное моделирование, кружок радиолюбителей - все неинтересное достается мальчикам. Петербургских барышень растят в атмосфере высокодуховного и творческого. Девочки ходят в образцовые хореографические ансамбли, занимаются в шоу-студиях, посещают музыкальные и художественные школы в дополнение к основной. Никому не кажется это избыточным, напротив: родители негласно соревнуются, кто куда больше сдаст, чтобы детей не было видно дома и желательно совсем. Надо признать, в этом они значительно преуспевают. Когда выращенные таким образом юные петербургские барышни сами становятся молодыми родительницами, они относят весь этот неоднозначный опыт к психологу, коучу, астрологу и иногда зоологу, а потом повторяют по кругу со своими детьми. Но об этом как-нибудь дальше.

В 9 лет Катеньку отдали заниматься в ансамбль танца «Петербургский сувенир». Все дети в ее группе уже имели колоссальный опыт выживания в творческом коллективе, а также грандиозный стаж концертной деятельности: они занимались с 6 лет. И потому знали священные правила настоящих петербургских артисток: на голове кичка, на губах красная помада, танцевальные тапочки – отбеливать перед выступлением школьным мелком, ноги облачить в розовое трико. Катеньке перед выступлением об этом никто ничего не сказал. Розового трико тоже не было.

Мама объездила все центральные магазины города в готовности купить эти несчастные трико в количестве сразу десяти пар, сколько бы те ни стоили, но истинные трико, подходящей расцветки и плотности, в которых можно было выступить на сцене, упорно не находились даже в самых наицентральных магазинах. На самом деле трико обитали в недрах Апраксина двора, а туда в те годы отваживались заходить только самые отчаянные, к которым мама не относилась. Итого Катенька пришла на первый концерт в БКЗ «Октябрьский» в телесных колготах, а не в розовых повышенной плотности с экстра лайкрой 70 ден. Губы накрашила маминой алой помадой (красной у мамы не водилось), на ногах серенькие балетные тапочки (потому что не умела воровать мелки из школьного класса). И все бы ничего... Но на голове у Катеньки задорно торчал хвостик! Не кичка, не две кички, как у младшей группы, не нижняя гулька, как у старших девочек, а именно хвостик. Такой кордебалет для выступления категорически не годился: на концерте должно выступать с гладко зачесанной головой и венчиком на кичке. А какой тут венчик, если даже и кички нету.

Все девочки группы, проходя мимо Катеньки, с нескрываемым осуждением, присущим только девятилетним девочкам, спрашивали: «Ну и как ты собираешься выступить... в таком виде?» Катенька молча отворачивалась и глотала слезы обиды на волосы, которые не успели отрасти до необходимой длины, на маму, которая не сшила венчик и не купила правильного цвета трико, на Апраксин двор, который не вызвался предоставить их сам.

Объявили выход. Дети вперемишку побежали за кулисы. Катенька глубоко вздохнула и поправила свой хвостик. Еще через десять минут она уходила со сцены, пытаясь высмотреть в темном зрительном зале своих родителей, которые отсидели весь концерт, чтобы увидеть дочку в единственном номере в самом последнем ряду крайнюю справа.

«Ну как? Вы меня видели?» - с волнением спросила Катенька после окончания концерта, получив свой первый огромный букет от родителей как настоящая артистка. «Конечно-конечно! Ты танцевала лучше всех!» - наперебой закивали родители. «А мой хвостик? Как, его было видно?» - родители переглянулись. – «Понятно, - сказала Катенька. - Просто когда хорошо танцуешь, на хвостик уже никто не обращает внимания».

(Быль, 1995)

Приличная петербургская барышня учится, разумеется, в приличествующей школе. В Петербурге они называются как-нибудь эдако или того: Вторая Санкт-Петербургская гимназия имени Императора Александра II (Освободителя), обязательно в скобочках, 56-ая гимназия с углубленным изучением математики и английского языка, ну или хотя бы Академическая гимназия при Санкт-Петербургском государственном университете (для одаренных детей), тоже в скобочках. В расписании таких школ, помимо обычных предметов, будут загадочная валеология, обязательная хореография, эстетика или этнография, а также дружно не любимый всеми предмет: История города. С соответствующими экзаменами и нормативами.

Например, в шестом классе потребуют составить тематический экскурсионный маршрут (в старших классах – на английском языке), провести самостоятельное исследование истории своей улицы или археологические раскопки в квартире. Как-то так сложилось в Петербурге, что учителя истории города под стать своему предмету. На уроках они рассказывают невероятные истории о приведении старушки-процентщицы, водят учеников в дом Раскольникова, уверяют, что Медный всадник оживает по ночам, приносят в класс чучело Чижики-пыжика... и прочие нестандартные приемы управления вниманием юных слушателей. Что не было придумано до них, придумывают сами.

На выходных Катенька проводила самоличное исследование истории Моховой улицы. Три краеведческие книги, фотоархив фасадов, лабрадор Чука на верном поводке. Тактика была в следующем: внимательно осмотреть

каждый дом, записать все отличительные особенности, сравнить изображение с имеющимся архивом.

Уникальными чертами решено было считать наличие мемориальной доски на фасаде дома, необычные архитектурные и прочие формы карнизов, готовый обвалиться от ветхости балкон, ушедший на полметра в землю первый этаж, заколоченные руками варваров окна. Однако мероприятие не задалось: пошел дождь во всем его питерском безобразии. Блокнот в Катенькиных руках покрылся водяными знаками. Дома они приобрели известный смысл и превратились в весьма достойное всамделишное исследование истории Моховой улицы.

Через неделю Катенька получила от учителя проверенную домашнюю работу с оценкой 5 +++. Плюсы были расположены строго на севере, юге и западе от пятерки, то есть окружили ее тремя крестами. Снизу к композиции примыкал оригинальный комментарий, который оказался длиннее исследования.

Комментарий рассказывал человеческим голосом о том, что давным-давно сам жил на Моховой улице в доме №19, в «церковном треугольнике», который образуется тремя церквями, находящимися поблизости. На этом месте Катенька еще раз озадаченно взглянула на кресты, окружившие пятерку, и прочувствовала их глубинный смысл. На страницах ее домашней работы учитель вспоминал, как «летом можно было слышать колокольный перезвон трех церквей сквозь распахнутые настежь окна и наслаждаться чувством умиротворенного спокойствия и возвышенной благодати»...

Запомнив эти фиолетовые слова, летом Катенька распахнула окно своей комнаты, выходящее на Моховую улицу, чтобы насладиться «колокольным перезвонном трех церквей». Но чувство умиротворенного спокойствия и возвышенной благодати так и не снизошло. Две церкви, одна – простенькая «придворная» церковь Святых Симеона и Анны – и вторая, побогаче и покрасивше, Святого Пантелеймона, оказались на реставрации, а потому воспроизводили исключительно строительные шумы. Спасо-Преображенский собор был занят своими рутинными делами: венчал, крестил, отпевал. Звонить в колокола ему было некогда. «Какие все же

выдумщики, эти учителя истории города!» - подумала Катенька, захлопнула окна, взяла собаку Чуку на поводок и пошла на прогулку по Моховой улице.

(Быльская быль, 1998)

Общение с удивительными учителями истории города, которые сочиняют половину из того, что рассказывают на своем уроке, все-таки не проходит зря. Каждая приличная петербургская девочка помнит, сколько у Петропавловской крепости куртин, где находится Меншиковский бастион и чем отличается Нижний парк от Верхнего в Петродворце. Через сколько-то лет на прогулке с пылким юношей по романтическим местам белой ночью она не преминет уточнить благородие спутника тривиальным вопросом: «А знал ли ты, что в доме Мурузи...?», многозначительно закатит глаза вверх и моментально додумает ответ за него.

Пройдет еще N лет, и на вопросы «Как пройти до дядьки на коне?» заезжих чудаков из Москвы или мещанских экспатов наша героиня будет отвечать так: «Дойдите до дворца Белосельских-Белозерских, затем, повернувшись лицом к верхнему рукаву Фонтанки, перейдите, пожалуйста, по-диагонали к Аничкову дворцу (Вы также можете знать его как концертный зал «Карнавал»). Там Вы вплотную приблизитесь ко второй скульптуре композиционной группы «Человек и природа» скульптора Монферрана (также известен по памятнику Петру I от Екатерины II, что на Площади Декабристов)».

После такого объяснения праздно шатающийся москвич, паче заезжий экспат, желавший всего-навсего познакомиться с понравившейся девушкой, сочтет, что его попросту послали. И будет прав. Он улепетывает восвояси, поправив модную кепку козырьком назад. Петербургская барышня же, пожав плечами, спешит по своим делам, спотыкаясь о поребрик, а москвич думает, что о бордюр.

Именно эта тонкая грань между проезжей частью и пешеходным тротуаром набила не одну оскомину и посадила не одну занозу на чувствительном языке. Еще в школе (в той самой средней общеобразовательной, которая

«Вторая гимназия имени Александра II», Освободителя в скобочках) нашу героиню с завидным упорством учили непрактичным изяществу вроде правильных ударений в словах. В итоге слова «обеспечение», «одновременно» и «деньгах» наша героиня произносит безупречно правильно, но знание это остается в том же чемодане без ручки, который она с завидным упорством тащит много лет во взрослую жизнь. Массовые упрощения вроде «черное кофе» и «йогурт» игнорирует со свойственным ей снобизмом. Чутко улавливает фонетические девиации в речи собеседника, тайно сопоставляет с внутренней матрицей диалектов и делает выводы о происхождении vis-a-vis в специальном блокнотике.

Возраст, который Толстой Лев Николаич кокетливо именовал отрочеством, петербургская барышня считает уже непроходимой взрослостью. Тут она впервые оказывается за границей и получает неизгладимый отпечаток на всю картину мира. Линией расширения горизонта может оказаться все что угодно: Майорка, Париж, Хельсинки. Независимо от места пребывания, она с самого первого шага по чужеродной земле четко помнит, кто она и откуда она. Не набрасывается на заморские яства с жадностью оголодавшего тигренка (это эстетически непривлекательно). Не кидается к достопримечательностям с манией китайского интуриста (это странно). Ее ничто особенно не удивляет – она уже либо видела это на иллюстрациях в толковых словарях, либо проходила в рамках школьной программы на уроках МХК (мировой художественной культуры). Она не участвует в гонках на выживание среди аутлетов с распродажами: в пространствах, кишачих людьми, испытывает острый приступ интроверсии и хочет поскорее вернуться в свой внутренний микроклимат.

Одним словом, заграница для петербургской барышни – не цель, не мечта, не восторг, а легкое удивление вперемешку с иронией: а почему они не едут к нам, сюда, в Питер? «Все флаги в гости будут к нам», и ни амбицией меньше. Прав был Петр, он же Пушкин.

Редкая петербургская барышня пестует мечту увидеть Париж или Нью-Йорк. Возможно, перечитывая «Сагу о Форсайтах», время от времени она и поднимет затуманившийся взор к небу, задумываясь о визите к Биг Бену, но это ни в коем случае не становится ни самоцелью, ни ближайшей мечтой,

Чтобы, вернувшись в Питер, с облегчением вздохнуть: «Ах, как хорошо, что я уже дома».

Потом, конечно, она поддастся на внешние провокации и сиганет с подругами на выходные в Финляндию за «развееяться». Оттуда вернутся груженными осликами с поклажей финских сладостей, по дороге непременно заедут «в тот самый рыбный», чтобы привезти пару вяленых рыбных тушек во исполнение семейного долга. Тушки потом будут продолжать тухнуть в приличных питерских домах, но это уже совсем не наша история.

Гораздо сложнее в восприятии петербургской барышни укладывается знакомство с регионами России, куда она выезжает на лето к бабушке или с высокоорганизованной поездкой в рамках школьной программы. Представьте себе удивление ребенка, выросшего среди дворцов и гранитных набережных, когда он впервые попадает в дальний уголок безграничной родины. Это даже не удивление – это шок, причем экзистенциальный. Оказывается, не все люди живут в переоборудованных дворцах или хотя бы бывших доходных домах. Центр уездного городка всегда увенчивается фигурой Ленина в два человеческих роста, а не одного из представителей царской семьи, а главная магистраль, которую язык не поворачивается назвать «прошпектом», в любом городке носит его имя – проспект Ленина. Реже Сталина. Всего в одном российском городе – Путина.

Оказывается, в любом другом городе в период с мая по июль ночи такие же, как и всегда – черные, неинтересные, среднестатистические. Оказывается, булки все-таки не растут на деревьях и не берутся из буланжерии, а выращиваются на полях, преимущественно в виде пшеницы. Молоко добывается у коровы, а в коровнике меж тем плохо пахнет и темно. Чего уж говорить о недоступности театрально-культурологической среды в обычных городах за пределами ПКК – питерского культурного кольца. По итогу петербургская барышня оказывается морально уничтожена этими низменными подробностями организации быта. Финальным аккордом знакомства с региональным мироустройством является посещение местного музея. Там петербургская барышня узнает, что в этом городе «когда-то останавливался Пушкин Александр Сергеевич», «его мельком упомянул на страницах своей бессмертной рукописи Гоголь Николай Васильевич», а

«супруга Тургенева Ивана Сергеевича, возможно, была отсюда родом». В этот самый момент барышня испытывает жгучее желание вскрикнуть голосом Чацкого «Карету мне, карету!» и как можно скорее очутиться в родном Питере у соседнего дома, где жил Пушкин, вернуться в родную школу, где учились также и дети Тургенева, поздороваться с родными памятниками «Носу» и «Шинели», которые в период белых ночей выходят прогуляться по Невскому Прошпекту, как и сто лет назад.

Достигнув возраста Наташи Ростовой и вдоволь начитавшись о ней в «Войне и мире», петербургская барышня начинает мечтать о чем-то незатейливо похожем: первый бал, князь Болконский и чтобы ее тоже называли на французский манер «Элен». Творческую реализацию эти мечты находят в стенах высшего учебного заведения, в которое настоящую петербургскую барышню приводят не перспективы беспросветной маниловщины, не светобоязнь обломовщины, не даже внутреннее несогласие с участием социофоба Чацкого, а просто... установленный порядок вещей.

Высшее учебное заведение наводит на мысли неизбежности прощания с возрастом Наташи Ростовой и планомерного перехода в возраст балзаковский. В стенах университета мечты *о главном* естественным образом вытесняют завивающиеся интегралы первого порядка, размышления *о вечном* побеждают сомнительные концепции современного естествознания, критика чистого разума незаметно для себя и окружающих сменяет одноименную интерпретацию Канта. В ходе нетривиальных мыслительных упражнений посещение университета постепенно регрессирует из осмысленной необходимости в бессмысленную обязанность. Точкой бифуркации становится первая полученная на экзамене пятерка по предмету, о котором петербургская барышня прочитала впервые в собственной зачетке. И проблема здесь не в разгильдяйстве студентки (что вы, что вы!), не в сложности предмета, не в ослаблении всевидящего родительского ока в годы праздного университетского разгула, а просто... установленный порядок вещей.

Тем временем серые университетские будни петербургской барышни радужно преображаются в романтическое время студенческой жизни. Питерские студентки смешивают кислую среду лекций с щелочью чудачеств

пушкинских лицеистов и получают моментальный взрыв чувства над разумом. Чего только не видывал город с сентября по июнь — месяцы студенческого взбаламутья! Студентки собирают у себя дома квартирники - наследие родителей-шестидесятников, когда идеологически сомнительные мысли нельзя было выражать вслух. Сейчас проблем с выражением мыслей ни у кого нет, но у некоторых чувствуются проблемы с их генерированием. Для концертной деятельности теперь имеются многочисленные арт-кафе и клубы, да и говорить и петь можно все что душевнике угодно, было бы что. Квартирник превращается в стильную ретро-постановку для хозяев и их гостей. Все заговорщически делают вид, что есть что скрывать и о чем нельзя говорить.

Другая излюбленная форма студенческой жизни вне университетских стен — собирание кучками и кучкование сборками для походов в значные места города. 3XL клуб и «Матросская тишина» как пространство нетрадиционно ориентированных отношений, клуб Achtung, Baby! как паноптикум малолеток, приют «Бродячей собаки» в роли усыпальницы литературных талантов. И тогда ночь, проведенная в вопросах русской философской мысли «Кто виноват?» и «Что делать?» с первого же Long Island Beach уже не кажется томной. На старших курсах вся честная компания разделится: кто-то переедет в демократичный клуб Метро на Лиговском, кто-то самоопределится в модном Лед-Лимон на Мойке или найдет себя в пафосном Людовике на Думской. Через год все заведения закроются, на их место встанут другие, вывеска сменится, персонал тоже, а завсегдатаи останутся прежними. Кто-то так и не вырастет во взрослого человека и навсегда останется бродить по Думской типичным питерским приведением. Бывшие соседки по столику будут иногда встречать его, гуляя с коляской по местам боевой славы ради щекотливых ощущений, и при встрече шарахаться. “Чур меня, чур, показалось!...” - выдохнет молоденькая мамаша, увидев знакомую тень. Двери прошлого заколочены, “Онегин” вообще сгорел, а тот Ленский... нет, не было никакого Ленского - показалось. Благополучная мамаша резко развернет коляску со сладким младенцем и поспешит дальше от сомнительных мест с привидениями юности.

В январе и июне студенческая жизнь впадает в анабиоз на время сессии. Чтобы в летние каникулы снова выйти на волю уже в другом, качественно

изменившемся виде. И снова разбросаться, разбежаться, разгуляться по питерским улицам теплой волной ошеломляющей юности.

«Катя, привееет», - из трубки слышится второе сопрано, временами отдающее глубокими басками альтов, с характерными тягуче-задумчивыми нотами перманентной петербургской тоски. – «У нас завтра квартирник по случаю Жениного дня рождения. Приходи ко мне делать подарок». - «А что дарить будем? И какая концепция квартирника?» - «Мы будем делать па-ро-ход! А квартирник посвящен творчеству братьев Самойловых. Бориса и Глеба. Борисоглеба. Глебобориса. Хахаха! Бо-бо-бо! Ты слыша-ла?! Если соединить оба имени соединительной гласной «о» (потому что «е» ставится только в случае мягкой согласной в корне первого слова), то получается какое-то бобо!» - подруга клоочет раскатистым смехом в трубку. – «Бобо! Не льсти себе, богемная буржуазия!»¹ - хихикает Катя в ответ, - Ну ладно, а почему пароход?» - «Ну а почему не пароход? Это будет очень смешно! Пароход – потому что «Пароход за семь морей». А иначе придется делать «ковер-вертолет» (на ковреее-вертолееете через ра-ду-гу...). Этого я вообще не представляю...» - «Ну да. Я тоже. Скоро буду!»

Через 12 часов именинника Женю, празднующего свой восемнадцатый день рождения, на пороге огромной трехкомнатной квартиры на Гороховой улице встречает целая толпа радостных подонков с гитарами и барабанами, распевających «Пароход-ход-ход», а с последним куплетом из-за двери выходит сам полутораметровый пароход на четырех ногах, склеенный из бумаги, но с настоящими мачтами, шлюпками и даже спасательным кругом. Из трубы валит дым. Слышится звук сирены. В воздухе пахнет студенческой порой, свежесей корюшкой и немного марихуаной. «Спасите меня!» - думает про себя Женя. «С дорогиии!» - гудит ему пароход. Веселье начинается.

(Конечно же, было, 2004 год)

¹ Имеется в виду книга Дэвида Брукса *«Бобо в раю: откуда берется новая элита»* (2000). Американский социолог и журналист попытался исследовать новый класс, возникший в США за последние двадцать лет. Для его обозначения Брукс придумал неологизм «бобо» (bourgeois bohemian, богемная буржуазия).

Когда петербургская барышня наконец-то заканчивает учиться, она идет работать. Точнее, *приходит* к тому, что надо бы *еще и поработать*. И здесь ее путь может сложиться самым причудливым образом.

Она может решить, что работа не волк – голову не откусит – и ударится во все тяжкие, то есть начнет работать с первого курса университета, сочетая работу, учебу, кружок по фотоохоте (в силу питерской интеллигентности стыдно бросить), а также визиты в родную школу (тут по причине нежных чувств) и другие памятные места (по каким-то другим причинам). Она также может рационально просчитать все возможные ходы и планы по карьерному развитию на ближайшие –дцать лет и равномерно перешагивать со ступеньки на ступеньку по карьерной парадной лестнице, зайдя с главного входа.

Иногда ей может показаться, что профессия, которой занималась несколько лет кряду, — вовсе не то, чего на самом деле хотелось бы. Может резко повернуть в самой середине трассы, каким бы заносом это не грозило, и развернуть машину на полном ходу в прямо противоположную сторону. И, что удивительно, прийти к финишу первой! Просто с другого конца. Победителей в Петербурге со времен Петра не судят. Поэтому ее победа принимается за абсолют.

Она может в принципе и не работать, потому что это не очень отвечает ее представлениям о себе. Она, конечно, попробует пару-тройку нетривиальных занятий, заставляющих брови заезжих москвичей взлетать удивленно вверх: организация необычных свадеб в подземельях Петропавловской крепости, туры по питерским крышам для китайских туристов, управление гостиницей под водой и др. Но в целом петербургская барышня отчетливо понимает, что поиск предназначения, нащупывание призвания и прочие выдумки маркетологов - ничто иное, как затянувшаяся прокрастинация.

Тяжелая довоенная дверь с иссохшимся наличником и покосившимся на одну сторону замком дернулась и привела в движение маленький колокольчик, ловко прикрепленный сверху так, чтобы одним касанием уведомлять о входе

нового посетителя. «Дзынь!». «Здравствуйте, я на собеседование». Девушка-рекрутер, ненамного старше госты, окидывает вошедшую насмотренным взглядом: черная шерстяная юбка спущена на бедра и перехвачена ремнем именно на той границе, по которую все еще можно ничего не сказать, тонкий узорчатый бадлон² заправлен строго вовнутрь, меховые браслеты на запястьях, высоченная шпилька и белокурые распущенные волосы. Профессиональный грим. «Тоже мне, стажер...» - думает рекрутер. Через полчаса интервью она задает вопрос, крутившийся на языке все это время: «Катерина. В резюме у Вас указано, что Вы еще учитесь на втором курсе дневного отделения, - верно? Параллельно изучаете испанский. И ходите в автошколу. Пишете рассказы и посещаете курсы актерского мастерства. И что еще...какое у вас тут хобби...танцуете, да. И ко всему этому еще хотите стажироваться у нас по 6 часов в день? Зачем Вам это? Как Вы будете все это совмещать?..» Рука с меховым манжетом небрежно отбрасывает этот вопрос подальше: «Легко!». На следующий день Катерина выходит на свою первую работу и параллельно устраивается на полставки в юридическую фирму. Тоже мне, стажер...

(Не сомневайтесь - быль, 2005)

² Водолазка (пер. с московского)

Часть вторая: петербургская барышня

Голова петербургских барышень представляет собой типичную питерскую коммуналку с чердаком, подвалом, главным и черным входом, в которой жилое пространство делят энциклопедические знания, мучительные переживания, философские задумки, колючие сомнения, сладкие иллюзии и прочие несовременные чудища. Собеседникам и спутникам приходится приспосабливаться к разностороннему внутреннему миру своей визави. Постепенно они принимают для себя своеобразный кодекс поведения и правила выживания рядом с населяющими ее голову сущностями. Пробираться по лабиринту их мыслей и метафор хорошо помогает нить Ариадны с логическими вопросами. Вырвавшиеся наружу эмоции приходится сразу заключать под стражу крепкого мужского плеча. Любое промедление или замешательство чревато неудобоваримыми последствиями. Проворный спутник со временем научается отвязываться от прицепившегося чудаковатого словечка, разгонять руками повисшую в воздухе шальную мысль, уворачиваться от попавшей под ноги витиеватой фантазии, менять маршрут на ходу по одному тонкому полунамеку.

- Ты знаешь, Предсказамус настрадал конец света в 2013 году...

- А! Уже декабрь! Пора заплатить за электричество? - хлопнет себя по лбу спутник со стажем.

Мало-помалу, к полу-игре и полутениям спутники привыкают, начиная воспринимать не как уникальные черты личности, а как милое наследие города. Выносящие мозг пассаты и муссонные ливни характера своей героини идеально вписываются в климатическую карту семейного быта. На голове у спутника петербургской девушки вырастают специальные антеннки, которые начинают автоматически улавливать настроение и сигналы ее микрокосма. Потом, при общении с обычными девушками, спутники хиреют, мрачнеют и в конце концов заболевают от отсутствия постоянных инъекций здравого и прочего смысла. Не обнаружив в речи стандартного ребуса («Что больше повлияло на творчество Дали: Гала или гала?», «Чье творчество ближе: Рембо или Рембо?», «Что у нас сегодня по плану: Тоска или тоска?»), антеннки сникают и начинают зудеть, требуя привычного корма. Однажды появившись, антеннки обречены на вечную подпитку от своей музыки.

Гуляя с парнем из Ленинграда, петербургская барышня на пересечении Невского и Мойки настойчиво заворачивает в кондитерскую Вольфа и Беранже, туманно посылая непрозрачные флюиды зазевавшемуся спутнику... «Куда же еще прозрачнее?» — рассердится она, если в лоб спросить, почему именно сюда и почему именно сейчас. Отсюда же ехал Пушкин на дуэль с Дантесом, который имел неосторожность ухаживать за Натали Гончаровой, и потому... “Вы не знаете, кто такая Натали Гончарова?.. Пожалуй, мне пора”... — и поспешно зашагает прочь, даже не обернувшись. Ох, и сложно, когда не голова, а многокомнатная коммуналка. Попробуй разбери, с какого входа зайти — парадного или черного.

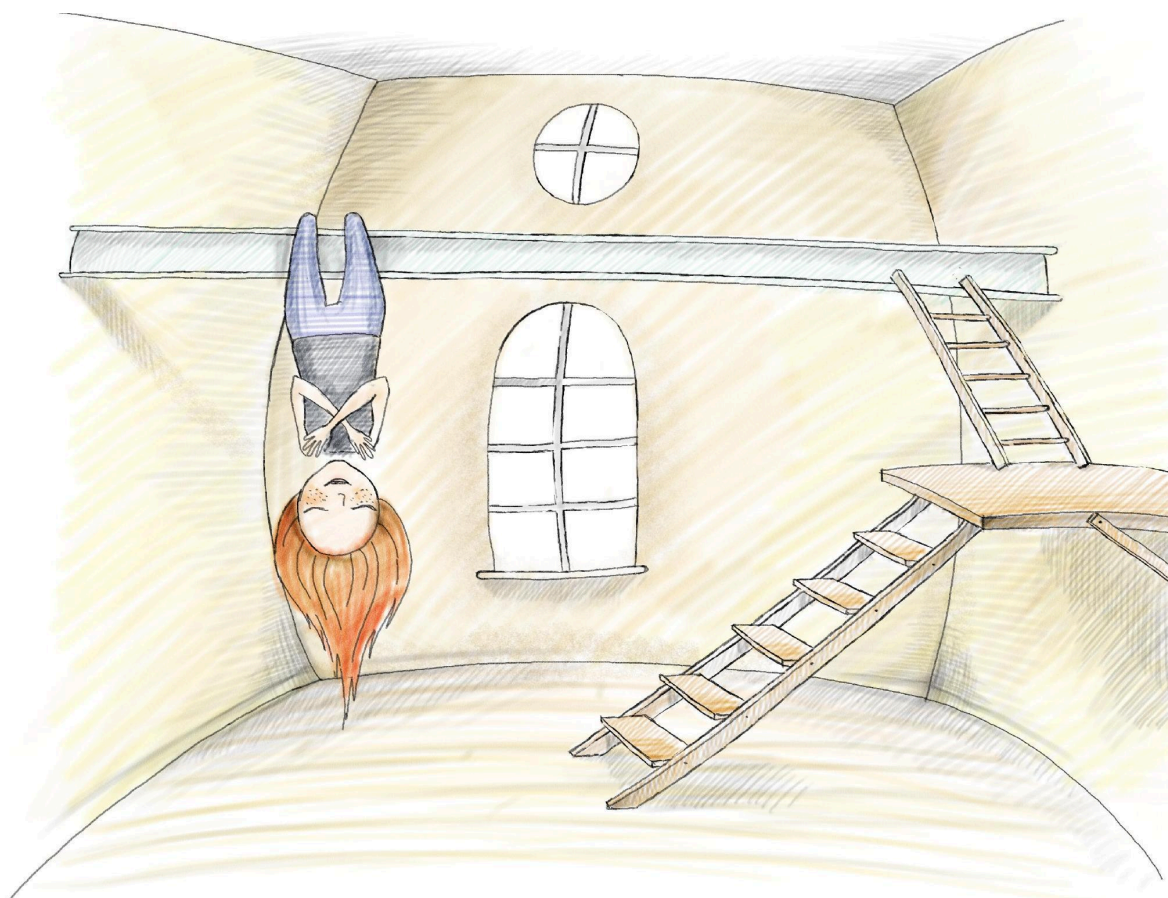
Кстати, о входе. Настоящие петербургские барышни живут, разумеется, в Петербурге. То есть в районе Сенной площади или Садовой, предместьях Невского проспекта, Исаакиевская площадь и Фонтанка тоже подойдут, Петроградка и Васильевский с Крестовским будут засчитаны. Другие девушки могут жить там, где их вынуждает реальность или наличествующие серьезные обстоятельства. Петербургские барышни, вынужденные жить на удалении от любимого города, время от времени выбирают в исконно питерские места за аутентичным воздухом и особенным микроклиматом:

праздно цокают по мостовым, наносят визит прирученному египетскому Сфинксу, поддерживают знакомого Атланта, чтобы он получше расправил крылья.

Иногда петербургская барышня выезжает на метро. Именно выезжает, именно на метро. Отношения с метрополитеном заслуживают отдельного романа – как достойный роман в романе. Тому способствуют уникальные особенности самого петербургского метро. По мнению коренных жителей города, современную версию «Преступления и Наказания» нужно снимать именно там: более чудовищного и вымороченного пространства со времен Достоевского с его коломной и сводящими с ума дворами-колодцами не завелось. Невское метро прокладывалось на максимальной глубине из-за большого скопления подземных вод. Ни в одном другом метро мира не нужно было учитывать «плывуны» и «наплывы». Ни один другой эскалатор на всем земном шаре не идет так долго — четыре минуты, за которые можно сойти с ума. Как уж тут не сойти, когда давление отличается от наружного, замкнутое пространство с близостью грунтовых вод проводит вибрации и шумы города, двойные хлопушки дверей конечных станций создают дополнительную тревожность.

И она бы с радостью избежала этого сомнительного удовольствия, но иногда приходится опускаться во все тяжкие. Тогда она с неподдельным томлением долго рассматривает карту метрополитена, изучает новообразованные линии и новопреставленные станции, удивляется разнообразию цветов и однообразию названий, тут же придумывает парочку новых, делает пометку в своем блокнотике «Написать творческое предложение в департамент...» и так и зависает с карандашом в руке, размышляя, какой это должен быть департамент: культуры ли, подземной жизни или, может быть, департамент городских ужасов, если таковой имеется. Потом она еще некоторое время думает о том, какие департаменты могли бы быть у Петербурга и какие функции они бы выполняли...пока не обнаруживает, что опоздала везде и сразу, а в вагон еще даже не села. Тогда петербургская барышня в сердцах обвиняет метрополитен в «неудобстве для пользователя», гордо наматывает пустившийся было вслед за вагоном шарфик и в негодовании поднимается вверх по эскалатору. Четыре минуты, за которые можно сойти с ума. Пешком – надежнее, а тем более, красивее, раз и так везде опоздала.

Петербургская барышня – натура увлеченная, не путать с увлекающейся. Это выражается в её личном пространстве. Над изголовьем кровати висит высушенная мексиканская жаба, сфабрикованная в дамскую сумочку на ремешке. По комнате расставлены многочисленные куклы, готовые заступиться за хозяйку если что и если ничего тоже. Посреди квартиры вооруженный пилон, натертый до блеска ежедневными пассами его владелицы. Это помогает ей самоидентифицироваться в окружающем пространстве, а иногда и заземлиться. Если антенны и ритмы не входят в резонанс, она предпочитает менять пространство под себя вплоть до создания нового (собственного) мира. Равновесие континуума пространства и времени – задачка, переосмысленная петербургской барышней еще в средней школе. И если ее что-то не устраивает в текущей системе координат – предпочитает не заморачиваться вопросом *почему*, а ищет ответ на вопрос *как*. Один из возможных способов – нырнуть с головой в увлечения.

Отсюда живые куклы, гуляющие по комнате в отсутствие хозяйки, кровать на антресолях посреди комнаты, портреты Раскольникова в натуральную величину там, где московские люди держат портреты Путина и Медведева, а также сомнительные костюмы в недрах шкафа. У настоящей петербургской барышни, как у кошки, всегда несколько жизней, идущих параллельно и пересекающихся только в асимптотах функции интереса от увлеченности. Она всегда немного барышня-крестьянка, красавица-и-чудовище, царевна-лягушка, дед-мазай-и-зайцы в период разлива Невы и полнолуния, когда можно немного повыть на странную питерскую Луну.

Одна талантливая петербургская барышня училась в институте на архитектора. Однажды она собрала все книги, которые ей дали в библиотеке, все чертежи, которые создавала на лекциях, все план-проекты, которые отобрала у старшекурсников. И сделала перепланировку собственной комнаты 9 кв м в бывшей коммуналке, вдохновляясь работами Эшера.

Мама барышни стучалась в ее комнату три дня и три ночи, но никто не ответил. Тогда мама испугалась, позвонила в милицию и они выломали дверь в комнату дочки. А там... вместо пола был потолок, а стен вообще не было. Зато появился второй этаж и кровать в воздухе. На ней и спала ее дочка.

(Питерская страшилка (или быль), 2005)

Кровать в спальне петербурженки – это Петербургский Международный Экономический Форум (ПМЭФ) как площадка общения ее внутреннего и внешнего мира. Там случается вся жизнь в миниатюре. На кровати встречаются с подругами, с кавалерами, мамой и также с домашними питомцами, на кровати влюбляются в писателей, поэтов, музыкантов и также в супергероев, на поверку оказывающихся идиотами, на кровати решаются самые важные вопросы решение квадратных уравнений, разговоры «об этом» и длинные телефонные новеллы. На кровати случается зарядка, медитация,

беседы с собственным «я» и также немного истерики с эзотерикой. А в кровати петербургская барышня просто спит.

Сон для нее – сплошная мистерия. Он не случается, а происходит. У петербургской барышни с ним, как ВКонтакте, “все сложно”. Она может спать всего пару часов в сутки, а потом возвращает недоспанные часы в автобусах, на переменах и в очереди. Чуткие родители с самого детства объясняют, что Сон приходит исключительно по ночам, и даже дают ему имя.

«Дорогая Катенька!

Сегодня мы путешествовали с тобой по облакам и смотрели вниз на весь город. Сначала ты попросила меня заглянуть в окошко Юли и внимательно рассмотреть ту великолепную Барби-русалочку с переливающимися волосами, чтобы отрезать себе на память прядь побольше. Потом мы отправились на улицу Джона Рида к Оле, чтобы погладить собаку, которую тебе так хочется иметь самой. Затем ты сказала, что самое главное было пролететь мимо дома Миши, ни в коем случае не останавливаясь, хотя я подозреваю, что именно это было самым главным на нашем маршруте.

Перед тем как вернуться в свою кроватку, ты предупредила меня, что утром снова попросишь у мамы Барби-русалочку. Поэтому, как старший друг, хочу дать совет. Не проси у мамы Барби-русалочку сейчас, подожди до нового года. Вот увидишь, с теми, кто умеет ждать и заглядывать, а не забираться в окна, случаются настоящие чудеса».

Твой Сон Алиса (из записки у кровати петербургской девочки, 1993)

Особое место в жизни петербургской барышни занимают ее подруги. Подруги для нее — это в какой-то мере идеальная симметрия, то есть зеркальное отображение петербургской барышни на самое себя. Они являются чудесным дополнением друг друга, дружба исчисляется сотнями встреч, неслыханным километражем поездок, невиданным хронометражем совместных приключений и неоправданным количеством подаренных друг другу сувениров и со всякими мелкими бесами. Сама дружба может завестись вполне традиционным дедовским способом: от знакомства в кружке

радиолюбителей до святого обретения друг друга в университете. Ее зарождение не имеет особого значения – гораздо важнее, как отношения складываются и развиваются.

Чем отличается дружба петербургских барышень от любой другой? В первую очередь, она подчинена ритму города. Какая она, дружба петербургских девиц? Под стать городу: чудная, мистическая, с налетом сумасшедшины, в меру пафосная, в меру нищая, путающаяся в собственных показаниях и воспоминаниях. Идти пешком через весь центр вместе после уроков и болтать без остановки два часа, тайно встречаться в родительских квартирах на каникулах, писать друг другу летом бумажные письма в надушенных конвертиках, прогулять дискотеку и пойти в музей, спорить так, чтобы в результате родился бунт или шедевр. Петербургские барышни могут подарить на день рождения подруге книгу, написанную в соавторстве с другой подругой, по мотивам многосерийных воспоминаний о школьных буднях. В другой раз устроят целый постановочный спектакль (одна подруга в десятке действующих лиц), в трех частях, с прологом и эпилогом. Могут ничтоже сумняшеся сыграть авторский музыкальный концерт в пределах городской квартиры с басом и электрогитарой. Город диктует – надо соответствовать.

У каждой подружеской пары в Петербурге выгуливаются свои любимые места. Туда возвращаются вновь и вновь для ренессанса и синхрона воспоминаний. Вполне в духе питерской традиции рыться в хламe прошлого, прятаться от будущего и упорно не желать видеть настоящее.

«Идеальная чашка» — барышня с петербургской пропиской, которую пытались однажды искусственно переселить на московскую землю, но потерпели сокрушительное поражение на капиталистической почве. Это по-настоящему меланхоличное, очень вязкое заведение, со своей субкультурой завсегдатаев в лице студентов и подружек одноименного возраста. В своих стенах принимает также богемный четвертьсвет – от длинноволосых музыкантов до длинноволосых компьютерщиков (впрочем, часто это воплощение одного человека). Только петербургской барышне в кофейне, источающей ароматы свежесваренного кофе вперемешку с сигаретным дымом, может прийти в голову заказать чай. Зеленый, томный, со сливками. Альтернативно - кофе-гласе, в котором что-то осталось от кофе,

но вообще-то это мороженое с шоколадной крошкой. В «Идеальную чашку» ходят не за кофе, а с симпатией. Это не любовь к заведению – вовсе нет – любовь слишком сложноустроенное понятие относительно лобных мест и долей, но просто традиция, не подлежащая объяснению. Установленный порядок вещей, если вы где-то такое уже слышали.

Ударом для петербургской барышни становится внезапное закрытие этого заведения. Она приходит по выученному маршруту, видит глухую стену на месте прежней вывески, тычется в нее несколько раз слепым котенком в надежде, что чудо произойдет, и в мистическом Петербурге стена разойдется надвое, а стеклянная дверь вырастет из-под земли. К этому времени сюда же подходит ее виз-а-ви и всё повторяется по второму разу. Петербургские барышни удивленно смотрят друг на друга, потому что в их картине мира не укладывается, как такое вообще может произойти. Ведь это место для встреч, а потому оно незыблемо и неприкосновенно. И тем не менее, стена не расступается, дверь не поддается, кораблик на Адмиралтействе дрыхнет полуденным морфеем и даже не думает прийти на помощь, паче даже приплыть. Потом еще долго петербургская барышня будет ходить по натопанному маршруту и назначать встречи именно там, словно под мороком.

В один прекрасный день, придя на то же место и по привычке толкнув воображаемую стеклянную дверь, петербургская барышня обнаруживает, что та поддается, и заходит внутрь. Удивленно пожав плечами, она стряхивает с себя наваждение предыдущих разов (почему же дверь не открывалась?) и садится за столик ждать подругу, заказывая себе зеленый со сливками и подруге гласе.

- Я буду на «ваське», поэтому давай встречаться где-нибудь в тех краях.
- Хорошо, я подъеду! А откуда ты поедешь, где ближе?
- О, давай в «Бриз» около геофака. Помнишь, такой с зеленой вывеской, там столы квадратные и вход по лестнице? Вспомним молодость!
- Катя! «Бриз» закрыли уже лет пять как... Но это ничего! Давай все равно в «Бриз»!

(Снова питерская быль, 2007)

Петербургским барышням нравится дополнять окружающее пространство мифами и легендами собственного сочинения. Каждая подружеская пара выдумывает себе особую легенду для встреч и играет в заправских конспирологов. Например, они придумывают себе образ жен олигархов,

которые встречаются в 12 часов пополудни, только что из смятой постеле, и начинают день со стакана апельсинового фреша в ближайшей кофейне. На саму встречу каждая прибегает в середине рабочего дня, переделав кучу полезных дел, но обеим доставляет истинное удовольствие процесс перевоплощения и игра по известному только им двоим сценарию. Другой легендой, наоборот, будет образ простушек-первокурсниц, встречающихся за чашкой чая в полуподвальной блинной у метро. Упаси вас пленный чёрт подумать, что те простушки — они, точнее, что они — те. Все это тоже часть выверенного сценария в образе. И не надо изумляться, когда за длинной юбкой мелькнет кончик метлы, а в складках платья то и дело полыхнет огнем пышный лисий хвост. И то, и другое - петербургская пыль.

Тема питания для петербургских барышень - явно не хлеб насущный. Они не ударяются в тяжкие диетные крайности, но и не выдерживают диетические легкие блюда. В еде, как и во всем остальном, им необходимо *эдакое*, отличное от других. Цветочная амброзия, маковая росинка, эльфийский нектар вполне подойдут. На худой конец тот самый апельсиновый фреш, можно напополам с грейпфрутом (упаси боже произнести лишнюю «к»). В совсем голодный день разбавят меню борщом из подорожника или салатом из одуванчика. Это же так смешно! Настолько смешно, что впору откинуть туфельки от голода.

Культурная жизнь настоящих петербурженков заслуживает отдельного романа. И зачастую этот роман случается. Видимая культурная озабоченность заставляет незадачливого кавалера настойчиво усаживать свою спутницу в замшелое театральное кресло, с чувством выполненного долга откидываться в сторону и храпеть до окончания первого акта. Петербургская барышня при этом испытывает огромное чувство вины — перед самой собой за то, что поддалась на уговоры и позволила привести себя на бессмысленное представление, на спутника — за то, что не догадался выбрать что-нибудь более интересное, на театр — за то, что обречен стать несменяемым местом встречи с незадачливым кавалером, пока тоска не разлучит их. Каждая петербургская барышня в пору бессмысленных свиданий хотя бы раз попадает на перекрестный спектакль: один она играет на пару со своим кавалером, второй происходит перед ними на сцене. Никто не ответит, что заставляет ее повторять этот сюжетный ход столько раз, что он превращается

в многоходовочку. Известно только, что петербургская барышня будет проходить этот скверный опыт испытания театром, пока не создастся себе, что ей достаточно только одного спектакля с одним кавалером и не более раза в год. И этот спектакль она предпочитает смотреть, а не участвовать в нем.

Если голова петербургских барышень – это многокомнатная коммуналка, то их манера одеваться – многоэтажный дом. С многовариантными парадными и подъездами, цокольным и мансардным этажами, пристройками и даже фальш-колоннами и лже-эркерами. Но рассмотрим проектную экспликацию. С самого детства петербургской барышне прививаются любовь к моде и хороший вкус. Не кем-то сверху, а как-то сам собой и прививается. Это достигается многократным прочтением «Энциклопедии моды» в первом издании еще до эпического захвата этого предмета Александром Васильевым. Благо петербургской барышне есть у кого учиться и на что смотреть, гуляя по ателье готового платья Татьяны Парфеновой, Лилии Киселенко, Алены Ахмаддулиной и других залуженных мэтресс петербургской моды.

- Так! Мы почти все обсудили, - сказала Катя, откладывая в сторону десять исписанных вдоль и поперек листов, - Основной цвет, стиль приглашений, Thank you cards, карета и кони... Но остался краеугольный вопрос! В каком ПЛАТЬЕ должна быть свидетельница?..

Предстоящую свадьбу обсуждали целых полгода. Долгое время она не назначалась по вполне обыденной причине: неясно было, какую брать фамилию – оставлять аутентичную Африкантова или приобретать венценосную мужнюю Романова. Потом свадьба откладывалась на неопределенный срок в связи с сезонными капризами в стане невесты. Затем передвигалась из-за бурной карьеры между Калининградом и Хабаровском. Вернувшись из очередной командировки с камчатским крабом наперевес, она была взята под руку уставшим ждать неужённую невесту Романовым и поведена прямоком в ЗАГС. Разбивать шампанское о гранитную набережную по петербургской традиции приехали самые близкие друзья, они же благоприобретенные родственники. Так Катя стала свидетельницей.

Второй раз это случилось уже через неделю: нужно было официально сообщить родителям, что замуж уже случился. Прошел еще год, за который нормальная петербургская пара успела, как и положено, развестись, поменять фамилию и переиграть все обратно. Теперь свадьба должна была состояться в лучших традициях царского двора: с мантией, муфтой, конями, каретой и короной в виде торта. Тесто для торта уже замешивали в лучшей кондитерской города, дважды-свекровь уже расшивала жемчугом и обивала горностаем царскую мантию, дворец Шереметьевых скромно ждал своего часа для празднования торжества потомков дома Романовых. Не было только платья свидетельницы.

- Ну...я представляю себе такое...роскошное закрытое платье в пол, очень целомудренное, но в то же время приоткрывающее тайну, без каких-то там вычурностей и шлейфов, но очень торжественное, мягко струящееся, но также достаточно плотное (ибо не май месяц – на дворе февраль), ну и стразы с блестками по вкусу.

- Правильно! Такое, чтобы потом можно было и летом носить.

Действительно: нет никакого смысла разделять вещи на праздничные и обычные, потому что никто, кроме хозяйки платья, не знает, что есть праздничное, а что обычное. Когда платье вышло прогуляться, важным является факт выгула, а не повод. Ведь «достаточно просто не пачкаться, и тогда роскошное платье можно носить каждый день». И в пир, и в мир, и в ЗАГС, и во дворец Шереметьевых.

(Конечно же, было, 2005)

У петербургской барышни в ее параллельно-пересекающихся вселенных различные формы и виды отношений приобретают особое искривление. Они перетекают друг в друга, как невольская вода в сообщающихся сосудах, исчезают в черных дырах полузабытых событий, внезапно попадают на бесконечную ленту Мебиуса и продолжают движение по вечно замкнутому кругу, где внешняя сторона отношений подменяет внутреннюю и наоборот.

По вечерам петербургская барышня тайком под подушкой, вооружившись фонариком для профилактики дальнзоркости, перечитывает книгу «Физическая и религиозная реальность», чтобы ненароком не забыть о частицах Хиггса и парадоксе Казимира. Во всех субъектах отношений — личных, материально-вещественных, нравственно-моральных — не бывает только одного: их отсутствия. Петербургская барышня всегда пребывает в процессе зарождения, строительства, установки, надстройки, залатывания, обмена, ревизии и ремонта отношений. Она не чурается заковать стихию в каменные узы, придать очертания естественным порождениям природы, построить неподвластное человеческой воле на болоте. Какая разница, что это неудобно, непрактично, невозможно? Нет таких слов. Есть слово — красиво.

Это было трогательно немодное, но безупречно элегантное Пальто из твида в мелкую «куриную лапку». На плечах оно открывалось широким воротником, горделиво поглядывающим на окружающих своими заостренными кончиками, а на спине увенчивалось нахально-кокетливым бантом, который не оставлял попыток придвинуться к тонкой талии поближе и охватить ее посильнее. Мерное эхо провожало разговор каблуков с мощеной булыжником набережной. На каждый шаг Пальто отзывалось волнением твида.

Рюкзак настиг пальто быстрыми, широкими, смешавшимися шагами и некоторое время шел чуть поодаль, сцепившись взглядами с прищурившимся бантом. Рюкзак был живым артефактом дворовых перипетий: слева от остова была прикручена некогда оборванная петелька, наутро после инцидента превратившаяся в веревочку и затем реинкарнировавшаяся с помощью пары умелых рук обратно в петельку, но уже меньшего размера. Молния на нижнем кармане рюкзака разошлась от напряжения и попеременно изрыгала проклятия то нитками, то кусочками растрепанной материи. Сам карман содержал массу необходимых в жизни рюкзака предметов, грозивших вывалиться наружу при участии вечно недовольной молнии. Ручка, изрядно потрепанная смыслом жизни, издавала тяжелые вздохи, выпуская наружу белый войлок как символ чистоты помыслов среди черной грубости непромокаемой ткани.

Наконец, Рюкзак поравнялся с Пальто, спешился, будто был на коне, и быстро прошмыгнул взглядом от заостренных кончиков широкого воротника по плавной линии плеч к мягкому кашемиру уютно пристроившегося у ключиц платка.

- Почему у Фромма любовь к Богу выше, чем любовь к себе? – неожиданно бросил Рюкзак.

- Она не выше — с чего ты взял? Они равны, как равны две части одного целого, — невозмутимо поморщилось Пальто.

- Неправда. Он даже рассматривает любовь к Богу после братской, эротической, отцовской и эгоистической любви, — с этими словами Рюкзак ловко выудил одну из книг, аккуратно уложенных в среднем отделении. Потянул за возвышавшийся над обрезом страницы сантиметр пластмассовой линейки в роли верной закладки и обнажил ископаемое мысли,

зачитывая оригинал: «В действительности любовь к Богу не менее многогранна и не менее разнообразна, чем любовь к человеку»...

- Скажи уже прямо! — насмешило перебило Пальто, а бант выгнулся вверх, копируя правую бровь, и на целых две секунды оставил талию в покое.

Они повернули налево к первой скульптуре Монферрана. Конь привычно вдыхал жадными ноздрями изморозь октября и напрягал чугунные мышцы задних ног, вставая на дыбы в считанных миллиметрах от обрыва пьедестала. На мосту Рюкзак сильно отстал, запутавшись в столпотворении живых судеб и не совсем живых лиц. Пальто, казалось, не обращало внимание на окружающих и уверенно цокало каблучками по направлению к четвертой скульптуре через мост. Только широкий воротник бережно хранил секрет втянувшихся плеч, понимая прикрывая их своими отутюженными кончиками.

На перекрестке Фонтанки и Невского машины, как обычно, гудели, нетерпеливо ожидая эффектной вспышки заколдованной стрелки. Когда она дала отмашку налево, вскипевшие нервы левого ряда с силой надавили на педаль, победно ухмыльнувшись незадачливым соседям справа. Пальто остановилось в двух метрах от распятого асфальтом парнокопытного. Воротник, верный безмолвный слуга, еще больше обнял ссутулившиеся плечи, а бант зажал талию в угол и предложил зажмуриться. Пальто обернулось. Рюкзак стоял в паре метров - почти посередине моста. Мимо плыли судьбы и голоса, лица живые и неживые, одна за другой проходили возможности, перебивали друг друга и цепляли за живое случайные истории.

- Если любовь безответна, то если она не порождает любовь и не добивается ответа, то значит, любовь немошна, значит, она не удалась. Фромм цитировал здесь Маркса, «Nationaloekonomie und Philosophie», да будет тебе известно. — И воротник тут же одернул себя по обеим сторонам, выпустив уверенность плеч на свободу. Каблуки переводили дух, готовые взять под козырек и застучать дальше в любом направлении.

...Спереди широкий воротник передавал бразды правления изящным, выверенным с архитектурной тщательностью перламутровым пуговицам, словно сошедшим со страниц журнала мод 60-ых годов. Заговорщически

перемигиваясь между собой, они как эстафету бросали друг другу снизу вверх только что услышанные слова от первой к пятой и обратно, пока строгий пояс не нахмурился своим крепким узлом и одним движением не затянул их щебетание на замок. Два диагональных кармана чуть оттопырились, готовые укрыть длинные до локтя черные перчатки, поделившие с благородными манжетами рукав на три четверти. Твид было мягко двинулся вперед, к середине моста, влекомый едва уловимым вздохом, но тут же резко обернулся, оставив банту полное владение ситуацией. Уцепив талию и усыпив ее бдительность, бант хитро прищурился, невесть откуда вытащил спичку, чиркнул пламенем, и как только каблуки шагнули с моста, бросил спичку вслед Рюкзаку, с трудом сдерживая рвущийся из-под пояса смех. Через секунду все растворилось в невском тумане: ни моста, ни коней, ни любви, ни Фромма. Как будто ничего и не было. Мост был сожжен.

(не опять, а снова - Питерская быль, 2003)

Личная жизнь каждой приличной петербургской барышни складывается ...да как-то складывается. Не принимая во внимание редкие побочные явления, как то: первая любовь, роман с давним ухажером, эмоциональный порыв с заезжим интуристом, в отношениях она верна и постоянна. До сих пор встречаются случаи, достойные быть занесенными в Розовую Книгу: вместе со школьной скамьи, отношения длиною в много лет, о которых никто не знал до самой свадьбы, знакомства в самых необычных местах и другие волшебные романтические истории, которые происходят с петербургскими барышнями наяву. Потом они живут долго и счастливо, рожают на свет следующее поколение петербургских девочек, а также мальчиков, не менее замечательных. Которые в свою очередь повторяют добрую петербургскую традицию: всегда знать кто они и откуда они.

В отношениях петербургской барышни сюрпризы и чудеса становятся обычными атрибутами серых питерских реалий, когда дни так хочется расцветить чем-то розовым, пусть даже оранжевым. В один день она приносит признание в бархатной шкатулке, в другой – выражает его танцем, потом собственноручно печет торт с авторской начинкой из бабочек и роз, и даже изготавливает полный набор пасхальных угощений в собственном соку в индивидуальной упаковке. По утрам петербургская барышня стремглав бежит в ванную, чтобы накраситься и освежить блеск на губах, а потом тихонечко возвращается в кровать, чтобы спутник при пробуждении увидел рядом прекрасную картинку. По вечерам сооружает нечто похожее на ужин, дефилируя по кухне в тапочках на каблуках и фартуке на голое тело. На годовщины отношений дарит возлюбленному приключения и путешествия – потому, что все традиционные подарки к этому времени уже испробованы. Для того чтобы спутник не утруждал себя напоминанием, петербургская барышня выписывает важные даты в столбик и молча вручает ему на память.

На дни рождения она устраивает феерическое шоу, выступая одновременно в трех, а то и четырех лицах, в сопровождении верных друзей, ансамбля песни и пляски, а также профессионального стриптиза и церковного хора. Все это порой удручает возлюбленного своей многослойностью, многосерийностью и сверхэмоциональностью, - ему хочется спокойно посидеть дома и выключить буйство красок – но таков контракт с реальностью.

«Одна девочка и один мальчик ходили в кружок много лет, еще когда были совсем маленькими. Потом они снова ходили, но уже встречались, и все об этом знали. То есть сначала не знали, а потом узнали, когда им наступило по 16 лет, и они поцеловались у всех на глазах. Потом они закончили школу и расстались. А в восемнадцать лет снова начали ходить в тот же кружок. Все говорили, чтобы встречаться, и были правы. Через год они поженились, а потом нарожали кучу детей».

«Это не интересно! А я вот что расскажу! Одна девочка, ее звали Маша, влюбилась. И захотела приготовить в подарок вкусный ужин. Но только она не умела готовить, а мама не научила. И тогда она пошла в ресторан, купила жареную рыбу на подносе, украсила ее петрушкой и принесла мальчику, которого полюбила. Он ее спросил: «Ты сама приготовила эту рыбу?». Она сказала: «Да, сама!». Она так сказала, потому что сама украсила ее петрушкой. А! Самое главное! Еще она положила сверху половинку лимона и побрызгала соком. Мальчик очень обрадовался и съел всю рыбу целиком, даже косточки. Даже не подавился. И они поженились».

(из разговора петербургских девочек, 8 и 9 лет)

Часть третья: унесенная всею

Впервые петербургская барышня слышит о Москве на первом десятке и не знает, чем столица отличается от ее настоящей столицы. Окружающие взрослые иногда ездят в Москву и возвращаются оттуда с печатью скоростного режима на лице. Она слушает рассказы о том, как в Москве «все сильно по-другому», видит выступившую испарину на лбу, как будто бы папа убегал от кровожадного чудовища, слышит вздох облегчения «Наконец-то я дома!» и потихоньку начинает складывать собственное мнение как конструктор на счастье. В пору отрочества петербургская барышня впервые попадает на свидание с Москвой. Толкают ее на этот шаг исключительно внешние обстоятельства: необходимость проезда через столицу в более отдаленное направление, поездка к родственникам или случайный случай вроде финала общероссийской олимпиады по граждановедению.

Первые картинки города кажутся вспышками протуберанцев на солнце: яркими и бесполезными. Первые шаги приводят в совершенно не типичные для родного Питера места. Первые знакомства выпадают тяжелыми осадками по ту сторону души. Москва кажется ни на что не похожей и одновременно похожей на все, виденное ранее. Петербургская барышня чувствует на себе безумие ритма и гонки, о которых рассказывали взрослые после своих поездок, успевает познакомиться с таким количеством людей, которых не накопила за всю свою питерскую жизнь, и уезжает с чувством огромного облегчения: Москва – это другой мир, и он не подойдет ей никогда. Морально дефлорированная, она возвращается в родной Петербург, понимая, что это новое знакомство добавило несколько черных перьев в ангельские крылья за спиной.

Следующий приезд в Москву планируется заранее и наверняка. Это всегда какая-нибудь важная и глобальная цель: взять штурмом МГУ, устроиться на работу мечты, выйти замуж. И вот она приезжает со всем своим питерским багажом: ажурными мыслями, витиеватыми фантазиями, расплывчатыми желаниями, розовыми единорогами. Ее, разумеется, видно сразу. Среди абитуриентов МГУ, в кресле на собеседовании или на пьяной, смачной московской дискотеке, она всегда помнит, кто она и откуда она.

- Я Саша, - поздоровается с ней сотрудник московского офиса.

- А я из Питера, - ответит ему, не моргнув глазом, петербургская барышня.

(то ли было, то ли небыль)

Она гуляет по глухим улочкам и кривым закоулкам в центре Москвы, мыслями уплывая в Питер и думая о различиях в архитектуре, ища глазами знакомых кариатид и того самого Атланта, который уже расправил крылья. Она заходит в магазины и музеи, кафе и театры и не видит ничего родного. Постепенно у нее складывается ощущение, что она попала не в город, а в королевство кривых зеркал: все как будто бы настоящее, но сильно искаженное относительно реальности. То есть относительно Питера. Самая большая проблема петербургской барышни – то, что за точку опоры она принимает родной город.

Люди ей кажутся какими-то бесцветными, пришибленными, приземленными. Нет в глазах лихорадочного блеска, что знаком ей по питерским лицам, нет отстраненной решимости, с которой петербуржец идет по городу в коконе внутреннего мира, нет вокруг головы нимба легкого безумия, нет в диалогах привычной истерии, свойственной художникам и творческим натурам. Московские жители вышагивают ровной толпой по асфальтовым телесам бездушного города. Маршируют в капсулах глобализации, на головах – урбанистические шлемы, в руках флаеры в Сити-молл и скидка в Макдональдс. У Москвы души нет – есть желания. У Питера нет желаний – только душа.

Будний день Москвы кажется петербургской барышне вселенским съездом муравейников: это даже не один и не два, а целое математическое множество наложенных друг на друга сообществ. Жизнь реальная дублируется жизнью виртуальной, причем доподлинно неизвестно, где из них какая. Все происходящее в Москве наружной сразу же отображается в Москве онлайн. Вся Москва сидит в фейсбуке. Питер хранит верность Дурову, швыряющему из купола Дома Зингера пятитысячные купюры. Это органично вписывается в привычное питерское безумие, продолжающееся на личной стене Вконтакте статусами:

“Все сложно”

“В жизни как в шахматах. Потерял королеву - наслаждайся пешками”

“Не важно, что говорят крысы за спиной у кисты”

“Если говорят у тебя за спиной, значит ты впереди”

“Это не нервы, я девушка-стерва” (с)

Выставленную напоказ в социальных сетях ересь петербургская барышня вынуждена читать, потому что приучена читать много и не привыкла выбирать: привычное литературное меню всегда отличалось вкусом и пользой. Теперь же вчитывается в очередной пост о том, как кто поел, попил, вытер рот, икнул, и мысленно просит литературный олимп остановить эту словесную поносицу. Приученная к качественной литературной пище, в онлайн-Москве она получает такую дозу графоманской отравы, что неминуемо сажает себя на самую строгую диету по Уайлду и Диккенсу. К окончанию этой недолгой поездки в Москву петербургская барышня окончательно убеждается в адском происхождении города со всеми вытекающими мракобесными последствиями. «Карету мне, карету!» - как мантру повторяет она, бросается к спасительному Сапсану и уезжает в Питер с раскрытым веером.

Кстати, именно зловерные москвичи переставили буквы в названии поезда местами, а жулики-маркетологи выдали это за первоначальную задумку и сочинили сомнительную байку про птицу. В первоначальном варианте поезд именовался «Спасаном» и означал немедленное средство спасения для тех, кто готов отдать прожиточный минимум, чтобы оказаться в Питере через 4 часа. Редкая птица долетит до середины Днепра. Всякий Сапсан доедет до центра столицы.

Кандидатов на вакансию пассажира словно отбирали в добротном рекрутерском бюро. Экспат обыкновенный (expatus vulgaris), заезжий интурист (homo turistico), корпоративный мундир (corporate officer).

Естественным образом в чудо-поезде выделяется (с)бытовая категория скучающих девушек с бокалом апельсинового сока. Девушки, как и

положено, скучают, умело пользуются ситуацией и осознанно работают над ее обновлением. Иногда в «Сапсан» пробирается мимо неведомого рекрутера обычный среднечеловеческий Пассажир. Он в этом поезде явно лишний, находится здесь впервые и без никакой специальной цели, кроме, собственно, путешествия. Поэтому с неподдельным интересом разглядывает окружающих, изучает местную субкультуру, получает искреннее удовольствие от поездки. Остальные пассажиры вместо удовольствия испытывают удовлетворение — оттого, что едут на модном «Сапсане», а не на ночном койкоместе, «как провинциальные лохи».

«Сапсан» ходит в соответствии с графиком питания три раза в день: на завтрак, обед и ужин. Вагон-бистро «Сапсана» – идеальное место для завязывания легких знакомств под прикрытием бокала апельсинового сока и развязывания языка на все четыре часа пути. Мужчины здесь отборные, статусные, женщин не предусмотрено, условия благоприятные тепличные, климат среднебизнесовый. Отношения устанавливаются и развиваются прямо по ходу движения поезда. Выходит все, что не вырывается на корню.

Ряд пассажиров просачиваются в вагон-бистро отнюдь не потому, что проголодались в пути. Им тошно рядом с овощем в парной лунке сидения. Особо наглая категория пассажиров занимают удобные кресла вагона-бистро только для того, чтобы развалиться как слизень на грядке. В этих мягоньких креслицах комфортнее, просторнее и красивее, чем на как-у-всех-иных местах. Они делают вид, что ожидают чего-то большого и важного, а сами заряжают компьютер, слушают музыку, прикрыв глаза, или три часа из четырех читают одностраничное меню. В итоге удобное место со встроенным столиком достается им за небольшую плату в виде обязательной чашки кофе или кольца кальмара (137 рублей штука). Бодрые проводники «Сапсана» уверяют, что так, в основном, поступают пассажиры,двигающиеся по маршруту Москва-С.Петербург-Москва. И только пассажиры обратного направления «С.Петербург-Москва-С.Петербург» приходят в вагон-бистро, как ни странно, за едой, причем строго по расписанию. То есть как положено, а не как удобно.

Чтобы вычислить корень социального неравенства между питерскими и московскими, руководство «Сапсана» пошло на отчаянный шаг. В продажу поступили билеты «все включено»: место за столиком в вагоне-бистро и депозитом в несколько тысяч рублей. Питерские путешественники сразу повесили уши и перестали ходить в вагон-бистро: невозможно смотреть на жирующих Гаргантюа и Пантагрюэлей.

А ушлые москвичи тем временем подсчитали: даже если заказать каждое блюдо из прейскуранта, депозит все равно не выеешь, даже если все понакусывать и отдать обратно. Поэтому москвичи поступают так: берут один билет «все включено» на большую компанию и празднуют в вагоне-бистро день рождения, корпоратив и заодно будущий новый год. Еды на всех, интертейнмент впридачу. За 4 часа успевают отпраздновать все.

Говорят, скоро в «Сапсане» появятся эффекты дополненной реальности: шум волн, песок в ботинках и желтые махровые полотенца. На руки пассажирам будут надевать цветные резиновые браслеты, а в меню заведутся дрессированные клоуны.

(из дневника петербурженки, былъ со слухами, 2009)

Однажды после возвращения из столичной деревни что-то безмолвно меняется. Питерские дворцы начинают казаться реалистичными декорациями в камерке Папы Карло. Впервые петербургская барышня замечает, что в ее родной городе все – от стен до людей – служит окружающему пространству. Не существует дел, проектов, встреч и желаний отдельно от города. Жители марионетками дергаются по воле неведомого кукловода. События их жизни – всего-навсего удачно подобранный реквизит, а иногда и не очень удачно. С ним город наслаждается производимым на зрителя впечатлением. То Нева выйдет из берегов в образе великого и ужасного Гудвина, то балкон старинного дома обвалится, инсценируя знак свыше, то марш несогласных реинкарнирует времена Лютера. Петербургская барышня вдруг отчетливо осознает, что в живой и деревенистой Москве городом правят люди, а не наоборот.

Вдруг она замечает, что серое, вечно недовольное, непрозрачное питерское небо – это ничто иное, как стеклянный потолок. И что сколь долго в него не смотришь – выше неба все равно не прыгнешь. И тогда наземные дворцы начинают казаться неудобными для жизни сооружениями, подземные дворцы петербургского метро – психопатической рефлексией их архитектора, Невский Проспект – бонжуром давно ушедших эпох, а кафе «Москва», как ни странно, обещанием хорошего вечера. Восхищение постепенно сменяется сконфуженностью. Гордость – смущением. Петербургская барышня продолжает любить свой родной город, но не потому, что хочется, а потому, что надо, ведь так учили на уроках истории города учителя, которые сами ее и придумали.

Занесенный в ее мысли вирус москвитус постепенно размножается в поступках, помыслах и желаниях. Первые симптомы сопровождаются острым желанием поставить точку на том, что теперь кажется бессмысленным и очень питерским: бессмысленная работа, бессмысленные отношения, бессмысленные дела... Она впервые в жизни обнаруживает в себе недюжинную силу отбросить этот хвост, оставить его Петербургу, и вырастить новый.

Переехать в Москву. Как? Очень просто: села в поезд, вышла на станции «Москва». Москва! Звонят колокола...

Часть четвертая: барыня-крестьянка

Петербургские барышни начинают в Москве не без сомнений. Слишком велика конкуренция. Слишком большая ответственность. Слишком боязно – после дворцов-то и ежегодных постановочных сессий выхода Невы из берегов в образе Великого и Ужасного. Слишком непонятно: что носить, как говорить, с кем дружить. Поначалу она ориентируется на свои внутренние интуитивные сигналы и потому, конечно, выглядит белой вороной в сельском курятнике.

Одежда – с какими-то питерскими прибабасами вроде ажурного браслета на босу ногу или сумки из сушеной мексиканской жабы, вопросы тоже какие-то неместные, затейливые, «вы чьих будете», предпочтения — тоже не луком, так лыком шиты. Она тщательно скрывает свое питерское происхождение, стараясь ассимилироваться в ряды таких же, как она, понаехавших немосквичей. Придумывает себе вымороченные дела, чтобы успеть за тридевять земель, обзаводится беспрестанно изрыгающим почту блекберри, томно заказывает фреш вместо любимого зеленого со сливками. В какой-то момент прожженный глаз обрусевшего москвича подозрительно зыркает в ее сторону и выхватывает не вяжущиеся с поведением москвички детали.

Опустив забрало, новоявленный рыцарь подъезжает к ней на кривой козе и гаркает:

- Жадина-говядина!..

- Пустая шоколадина... - автоматически выпаливает петербургская девушка, чем и выдает себя с головой.

- Я ТАК И ЗНАЛ!!! Так и знал! - довольный собой провокатор исполняет джигу вокруг нее, - Ты из Питера! Я тебя сразу раскусил!

- Не сразу, а только что. Да, я из Петербурга...а как Вы это заметили? – осторожно спрашивает петербургская барышня, птясь к спасительной двери.

- Я уже двадцать лет проверяю этим вопросом понаехавших! Двадцать лет! Ни разу не ошибся! – радостно вопит сумасшедший, отрезая ей путь к отступлению, и запрыгивает в дверной проход следом.

- Простите... А я думала, Вы сотрудник нашей компании... – петербургская девушка озирается по сторонам и собирается с духом, чтобы закричать.

- Да не бойсь, не бойсь! Вот все вы питерские такие... я-то сразу понял! Двадцать лет тестирую людей детской дразнилкой, тут даже генетического теста не надо, га-га-га!. Только питерские отвечают белиберду про шоколадину, регионы говорят «солёный огурец», а коренные москвичи – «турецкий барабан». Жадина-говядина, турецкий барабан. Ну куда ты убегаешь-то? Не съем, привыкай к Москве!

(анекдотическая быль, 2010)

В этот же день петербургская барышня с облегчением стягивает с себя латексный комбинезон московских жаргонизмов и радостно влезает в любимый разношенный питерский синтаксис. И уже даже начинает получать ни с чем не сравнимое удовольствие от реакции собеседников на привычное ей «Сударь, позвольте обратиться за документом...» и «Позвольте я пройду незамеченной». Вкупе с ажурным браслетом и сумкой из жабы это создает вокруг нее устойчивый аромат чего-то таинственного и бесконечно не московского. Дыша духами и туманами, она ходит по офису, загадочно улыбается своим внутренним домовятам и нечаянно влюбляет этой своей загадочностью движущиеся в потоке объекты.

Впрочем, она весьма быстро адаптируется к московской среде, а также понедельнику, пятнице и субботе. В одну из пятниц она впервые позволяет себе прийти на работу по-московски небрежно (нет, не джинсы – упаси Парфенова), но легкое подобие свободного стиля придает ей удивительный шарм. В ту же пятницу она решается выйти с коллегами в полусвет и после первого бокала радостно подхватывает вместе с ними «Thanks God, it's Friday!». После пятничного вечера в компании коллег она одной из первых уезжает домой на такси и перед тем, как заснуть дома в своей постели, думает: «Господи, какая гадость эта ваша заливная пятница...»

В первый раз петербургская барышня приезжает в Питер из Москвы на Спасане буквально через пару недель после переезда. И хотя едет она ко всему привычному и родному – кукольным декорациям, стеклянному потолку неба, сфинксам и грифонам, - она уже наверняка понимает, что ни на минуту не подумает остаться. Один раз вкусив Москвы и проглотив запретный плод целым, Ева понимает, что не готова променять простые земные радости на все удовольствия замкнутого Эдема.

Москва кажется ей понятной и простой до мозга костей. Каждый житель озадачен конкретной, очень личной целью и искренне убежден, что вся Москва служит именно ей. Что характерно, в этом же убеждены миллионы других искателей, едущих в столицу за золотой жилой или хотя бы серебряным копытцем. Питер же служит собственным интересам, и жители либо вписываются в устройство города, либо нет.

Мысли эти оседают крестным знаменем в голове петербургской барышни в первый же приезд после переезда. Перевстречавшись со всеми подругами, посетив памятные места и переночевав в своей питерской квартире, к концу выходных она ловит острую тоску по нездешней динамике и понимает, что в понедельник к ней вернутся совсем другие настроения, застучит московский ритм: выше-быстрее-сильнее.

Петербургская барышня неловко оглядывается – как бы никто не услышал срамные мысли – и втихаря поглядывает на часы, мысленно подкручивая стрелки вперед в ожидании поезда на Москву. Вот он, Спасан! Спасан... “Карету мне, карету!” - проносится у нее в голове.

Все последующие выезды петербургской девушки из города взрослости в город детства похожи друг на друга как капли воды: длинный список дел, перемежающийся встречами, ни секунды свободного времени. Выходные расписаны по часам, перемещения продуманы до мелочей. Никаких

праздношатаний и самовольных отклонений от тщательно спланированного маршрута: за 48 часов успеть то, чего не хватает в Москве, желательно с бонусом.

А не хватает, как выясняется, очень конкретного, но не конкурентного. Лучших друзей. Любимых мест. Испытанных средств. Свой маникюр, массаж, зубы. В Питере проще, дешевле, привычнее. Фирменный секрет полишанели: купленное в Питере за три копейки платье имеет в Москве бешеный успех на миллион. Такого в Москве не выбирают, не носят - такого там просто нет. И дело не в производителе, материале или уникальном покрое. Каким бы оно ни было, это платье, дело в питерском обрамлении и подаче.

«Нет никакого смысла разделять вещи на праздничные и обычные. Ведь достаточно просто не пачкаться, и тогда красный фирменный сарафанчик можно носить каждый день...»

Однажды петербургская барышня оказывается не то на завтраке, не то на ужине в кафе «ПушкинЪ», где ей льют елей в уши и бальзам на сердце: речь официантов правильная, сдержанная; обстановка возвышенная, меню пафосное, с кашей гурьевской тыквенной за приличные 270 рублей, этикет в наличии, подставка для сумочки тоже.

Первые полчаса петербургская барышня отпускает бдительность и позволяет себе расслабиться в кресле: все напоминает интерьеры какого-нибудь дворца или Русского музея. Первый звоночек случается, когда официант во мгновение ока превращается из дворецкого в лакея, услышав просьбу подлить кипятка в заварочный чайник. Кипяток эта наглая морда так и не принесла. «Где-то тут нечисто!» - начинает стучать в голове. «Кто-то тут никто», - навязчиво подсказывает внутренний голос. Мимоходом она интересуется у собеседника, «чьих это здание будет». «А чьих! – бойко рапортует ее визави. – Это все новодел. Здесь нет ничего восстановленного», - так у нее спадают последние иллюзии. Нет в «Пушкине» с твердым знаком истории, кроме названия, – только цены, но не ценности. Петербургская барышня начинает лучше понимать жизнь Москвы и ее «москвичей». «Каждый десятый в Москве – москвич», - повторяет она расхожую поговорку.

Проходит полгода. Петербургская барышня начинает самоопределяться в московском обществе. Ей больше не стыдно за своих милых питерских домовят. Она больше не чувствует угрызений совести за незаконное нахождение в столице на птичьих правах. Автоматически исправляет правильные окончания и ударения в речи собеседника. Иногда путает линии метро: ищет по цвету, как в Питере, а не по номерам, как в Москве, но сами поездки ее уже не пугают. Бережно сохраняет питерский телефонный номер и пользуется им наравне с московским со вторым телефоном...и прочие приметы переехавших даются ей с каждым днем все легче. Она выучивает московские неологизмы вроде «дублера» вместо привычного «кармана», переименовывает для себя бадлон в водолазку, схватывает на лету олбанский, сверяет топонимы с дорожной картой (кутуза, кадаши, сити), объясняется с прибывшим из соседних стран водителем маршрутки активной жестикуляцией и для себя называет его московским эсперанто (и язык, и водителя).

Петербургская барышня постепенно становится своей: назначает встречи в «Кофемании» (Те Гуань Инь не стоит своих 390 рублей, потому что кипятка даже не подливают), ездит на деловые мероприятия в пятизвездочный Марриотт на метро (так быстрее), зимой носит шубу с туфлями (не таскать же с собой сменку). Впервые чувствует сладкую, запредельную радость, когда с искринкой объявляет новому знакомому, что она «из Питера». Предлагает встретиться в суши-баре и незамедлительно получает в ответ искреннее восхищение наполовину с завистью. Ого! Из Питера! «Пустая шоколадина»... Может себе позволить.

Провернув этот трюк однажды, петербургская барышня входит во вкус. Теперь она специально выжидает удобный момент в разговоре, чтобы небрежно вбросить: «А я переехала из Петербурга», — и будто мимоходом перейти к более важным темам, выставив раскрытый рот собеседника на всеобщее обозрение.

«Ах, Вы из Питера? А я почему-то так сразу и подумал...» — эту задуманную награду она тайно прищипливает булавкой самоутверждения в коллекцию поверженных московских обывателей.

Теперь она параллелит все свои жизни с единственно главной – московской. Садится за руль и бесстрашно рассекает по МКАДу, следуя советам навигатора и не потрудившись выучить ни одного маршрута. Покупает квартиру в Москве, а в кармане фига в виде паспорта с питерской пропиской. Обменивает загранпаспорт по месту этой прописки в Питере, но ставит в него визы в Москве.

В Москве петербургская барышня устраивается хорошо и сыто: сказывается северно-ледовитая закалка. Помогает опыт общения с питерскими коренными жителями – грифонами, сфинксами, атлантами, статуей Петра в исполнении Шемякина, мумией в египетском зале Эрмитажа и прочей нечистью. В Москве она обнаруживает всех своих закадычных друзей в человеческом обличье. «Подлетает ко мне эдакий Чижик-пыжик из второго департамента и начинает щебетать...» - рассказывает она потом подругам. Таким же полезным оказывается опыт длительного проживания в неблагоприятных климатических условиях: сырость, снег летом - град зимой, причуды циклона и неожиданные вспышки радиации на Сосновской АЭС³. С такой подготовкой ей не страшны ни горящие подмосковные торфяники, ни обледенение взлетной полосы в Домодедово, ни даже решение верховнокомандующего об урезании довольствия солнечным светом всем недостойным его.

Подумаешь, в Москве света меньше стало – вот в Питере после этого решения светает теперь в 11 утра, а темнеет в 15ч дня. Четыре часа ровнехонько в середине рабочего дня, когда законопослушные питерцы сидят по офисным конурам, а творческие «бобо» еще не проснулись, вполне достаточно для полноценного заряда солнцелюбивым витамином Д. «Как хорошо, что я уже выросла, и мне больше не грозит рахит, как всем питерским детям», - думает про себя питерская барышня, рассматривая огромную пепельницу из широченного окна «Москва-Сити». Потом решительно отъезжает на своем офисном стуле назад, поднимается с него с приобретенным московским тяжелым вздохом, театрально берет блекберри и демонстративно отправляется «выпить кофе».

³ Сосновская АЭС находится в 50 км от С-Петербурга в Ленинградской области (Прим.ред)

Она спускается в Starbucks на нулевом этаже, незаметно для окружающих трижды сплевывает через левое плечо и, уставившись в Блекберри, встает в очередь. Основная задача участников очереди – формировать саму очередь, а не продвигаться к кассе. Как только кому-то действительно хочется кофе, он выходит из очереди и спокойно заказывает на кассе, остальные остаются в очереди. Петербургская барышня, как и все, хорошо знает здешнюю субкультуру. Убедившись, что все коллеги и наблюдатели поставили галочку на ее внешнем счету и она провела в очереди достаточно времени, подходит к кассе и шепотом просит налить ей пряный чай латте («побольше молока!»). «Для кого будет кофе?!» - голосом жизнерадостного клоуна вскрикивает дрессированный работник кассы, как его научили корпоративные тренинги, и заносит черный маркер над белым бумажным стаканчиком, чтобы записать имя клиента.

Получив свой vendi пряный чай латте⁴, петербургская барышня скорее удаляется подальше от очереди, чтобы не стать жертвой очередного нетворкинга, полезного для карьеры и бесполезного для души. Одной рукой прижимает блекберри к уху и с сосредоточенным видом стоит так, пока наблюдатели не теряют к ней интерес и переключаются рассматривать кого-нибудь другого. Чай (он же кофе) спокойно остывает в другой руке. Его задача – производить нужное впечатление. Галочка поставлена, «кофе» выпит(о). Она почти «турецкий барабан». Шаг влево, правее, еще быстрым шагом десять метров... Она как будто случайно сворачивает в малозаметный коридор, до цели остается всего каких-то пять шагов.

«Цветочная лавка»! Милая, трогательная, провинциальная каморка с нестандартными букетами и живыми, еще не обработанными окаменяющей жидкостью, цветами. Как в Питере. Как затесалась эта лавчонка среди стеклянных глаз и бетонных стен Сити, одному арендатору известно. Петербургская барышня про себя думает, что он, конечно, «из наших». «Пустая шоколадина» заходит понюхать любимые ландыши, счастливо улыбается знакомой продавщице, которая понимающе ей подмигивает (не

⁴ vendi – самый большой размер порции кофе или чая в сети кофеен Starbucks (450 мл)

питерская – вологодская, переехала три года назад в резиновый город и осталась) и, попивая свой «кофе», запрыгивает обратно в офисные стандарты.

Подойдя к лифту, она в стотысячепервый раз забывает о том, что в этих странных московских лифтах кнопка вызова одна на всех общая, а табло показывает, какой лифт придет, в зависимости от этажа, на который нужно попасть. Петербургской барышне выпадает комбинация 54-Е (54 этаж, лифт Е), и она заходит в лифт, погруженная в мысли об интерпретации этого сочетания... «54. И «Е». Это знак!» - думает она про себя, пока скоростная конструкция уносит ее вверх, а в виски привычно приливает кровь от перегруза.

Работает она в большой и солидной организации. Причем не просто какой-нибудь корпорации по производству ковриков для мышки, а в организации со Смыслами. Иногда – с двойными смыслами (Senses&Senses)⁵. Смыслы эти петербургская барышня усиленно создает при помощи таких же, как она, идейно настроенных, а также заставляет себя поверить в уже придуманные и написанные кем-то задолго до нее. Смыслы лично для себя она старается вкладывать в каждый день солидной организации.

В одной солидной-солидной московской организации с большой-пребольшой корпоративной культурой одной петербургской барышне поставили недюженный KPI: разработать систему мотивации и поощрения сотрудников за имплементацию смыслов и ценностей солидной организации. И пригрозили провести по результатам mid year review. А если не выполнит – все равно проведут и вынесут рекомендации по развитию с формой оценки 360 градусов: от коллег, клиентов, партнеров, врагов и завистников. Друзей просили не указывать, так как в солидных московских организациях их по определению нет и быть не может – это экономически не выгодно.

Петербургская барышня думала три дня и три ночи. Никак не придумывались у нее поощрения за использование смыслов, которых не было.

⁵ Senses&Senses – игра слов: от англ “разум, смысл” (sense) и “чувства” (senses)

«Наверное, сначала их надо придумать?» - не унималась она в своих мыслях и трижды ходила в департамент по управлению ресурсами с человеческим лицом, чтобы задать вопросы. Человеческие лица отвечали, что все уже придумано за нее, но каким-то нечеловеческим голосом. «И где же я могу прочитать об этом? Или хотя бы у кого-то узнать?» - пыталась она непроходимым смыслом. «Смыслы на то и смыслы, что лучше их не знать», - отвечали ей в департаменте. «А ценности? Они же являются платформой смыслов?» - «Иди отсюда, дорогая. Сходи за кофе...» - шикали на нее коллеги и гнали вон из кабинета.

Но петербургская барышня на этом не угованивается. Не то чтобы ей очень хочется правды... ей просто не верится, что смысл найден, и он - абсурд. Теперь она идет к тому самому коллеге, который уже двадцать лет задает людям один и тот же вопрос и по нему моментально определяет, откуда человек родом.

- *Ну что, питерская принцесса, как делинды? – Он спешивается с кривой козы и принимает человеческое обличье. – Все за смыслами ходишь? Так и знал... Вот так и знал! Все вы, питерские, ищите...*
- *Ага... есть немного, - отвечает ему петербургская девушка с московской закалкой.*
- *Уже нашла! Иди обратно. Большие я тебе ничего нового не скажу. – Он снова заходится первым кругом джиги вокруг нее и радостно потирает вспотевшие ладошки.*
- *Как? В смысле? Мысли о смысле совсем не поняла... - до нее начинает понемногу доходить.*
- *А тут и понимать нечего! Смыслы – в их отсутствии. Их нет. Нет!*
- *Зачем же их искать, если их нет?!*
- *Как зачем? – Зыркает на нее коллега поверх очков с тонированными стеклами. – Затем и искать, чтобы убедиться, что нет.*

Московская быль (2012)

Петербургская барышня по-московски разворачивается на каблуках, возвращается на рабочее место, окидывает взглядом дымящую пепельницу за окном и создает новый документ на Макбуке. Лист формата А4, 14-ый шрифт, 2,5 см отступы по обеим сторонам, корпоративный шаблон с верхним колонтитулом. Вверху заголовок «Система мотивации и поощрения сотрудников за имплементацию смыслов и ценностей солидной организации», называет файл «KPI_done». Внутри — набор корпоративной жвачки: эффективность, продуктивность, результативность, информативность, а также социальная ответственность и благотворительность. Ничтоже сумняшеся, засылает его в департамент по управлению ресурсами с человеческим лицом.

Через пару недель ей на корпоративную почту outlook приходит приглашение от сотрудника департамента по управлению ресурсами с человеческим лицом. Они встречаются на специальном митинге в заранее забронированной переговорной комнате и обсуждают результаты ее оценки на все 360 градусов. Сотрудник департамента говорит ей человеческим голосом:

- *Компания приняла решение поставить тебе High Pass. Мои поздравления! Теперь тыходишь в топ-10% самых эффективных сотрудников нашей организации! Твой следующий шаг - войти в топ-3!*

«Какой в этом смысл?» - проносится в голове петербургской девушки. На следующий день она получает смс на свой корпоративный Блекберри о том, что ее счет пополнился одним миллионом рублей – премией по итогам оценки в 360 градусов. Так петербургская девушка становится рублевой миллионершей.

На радостях она покупает билеты на Сапсан, приезжает в Питер к своим подругам и закатывает детский утренник по какому-то случайно подвернувшемуся поводу в милейшем кафе рядом со Спасо-Преображенским собором. Вместе они смеются в голос над московскими чудачествами, а еще больше – над питерскими девушками в Москве. Трое из шести сидящих за столом – они самые. Под защитой питерских ангелов и привидений они обсуждают были и небыли, поддерживая друг друга облепиховым чаем. Пролетает, не успев начаться, быстрая суббота, в театральном гриме на

авансцену выходит Мариинский вечер и переходит в слегка взбудораженный ранним подъемом воскресный завтрак с родными. До отъезда в Москву остается шесть часов, за которые нужно успеть....успеть, успеть.

Часть пятая: гостя из будущего

- Катенька, покушай еще, это очень полезно. Это настоящий продукт, его везли из другой страны. В нем всего 80% ГМО и канцерогенов.

- Не хочууу!.... Хочу гулять в recreation zone!

- Ну нам же даже одеть нечего. Все вещи в 'Sunday laundry'. У тебя осталось что-то из чистых вещей?

- Да! (оживляется) Я сейчас мигом оденусь, и гулять. Damn 'n & out!

Катенька возвращается в фирменном красном сарафанчике из органического хлопка с конопляными пуговицами. 15% натуральных материалов, высший сорт, и даже мнется в боковых складках.

- Все, я готова.

- Катенька? Но ведь это праздничный сарафанчик, ты же знаешь, что мы его одеваем не каждый день...

- *Quelle bête!* Я не буду пачкаться, вот и все. Ну, я пошла!

Бабушка улыбается чему-то глубоко личному, машет внучке рукой в огромное, от пола до потолка, окно, выключает со стола недоеденный обед и возвращается обратно к подруге детства по видайпу. Голограмма подруги сидит тут же за обеденным столом, чай помешивается автоматически встроенной ложкой с механизмом обогрева на мохнатой ручке дизайна Фила Скварка.

Катенька играет в playball где-то на границе с Новой Зеландией, красный сарафанчик мелькает ярким пятном на мониторе наручных часов бабушки, с которыми она сверяется время от времени, контролируя уровень эмоционального накала детской игры на расстоянии.

PS & NB. Настоящая петербургская барышня вовсе не обязательно родилась и выросла в Петербурге. Петербург – город чуткий и тонкий. Иногда он сам выбирает девушек, которых хотел бы себе присвоить. Таких, которые всегда знают, кто они и откуда они.

(2011)

Ягодка на тортике

Начало части-практикума «сделай сам», возможно с обратной стороны вверх-ногами. Требуется работа дизайнера по визуализации.⁶

1) Набор сделай сам:

- Помоги петербургской барышне попасть на нужный этаж в здании «москва-сити»

(рисунок: лифты, уходящие в бесконечность...а ля картинка Эшера)

2) сложить из четырех букв слово «СЧАСТЬЕ» для петербургской барышни

(буквы-кубики, похожие на: Д.У.Р.А.)

3) Готовим дома:

- помоги петербургской барышне приготовить салат в домашних условиях

(картинка с ингредиентами: одуванчики, солнечная амброзия, лягушкины слезы, 100 граммов детского смеха, щепотка зубного порошка и тд)

- найди 10 отличий: «турецкий барабан» - «пустая шоколадина» - «соленый огурец»

(картинки-визуализации)

⁶ Здесь все осталось в первоначальной редакции как артефакт задумки автора. Что с этим делать - решайте на свое усмотрение. Не пропустите послесловие в конце! (Прим. дорогой редакции)

как это могло бы быть (2026)

Закладки / уголки / рисунки со словами

- на этой страничке петербургская барышня сначала запишет свою самую сокровенную мечту, а потом загнет уголок и на всякий случай оближет его – вдруг заклеится, как конверт в детстве
- «Список больших дел и грандиозных планов, о которых я хочу начать мечтать с понедельника...»
- здесь петербургская барышня записывает имена своих удавшихся и неудавшихся романов (список со строчками: слишком худой, слишком толстый, слишком высокий, слишком низкий... и тп)
- 10 городов, которые напоминают мне Петербург
- Вот имена моих самых любимых подруг и друзей
- Когда я заработаю миллион, я обязательно сделаю...и подарю себе...а для близких я сделаю вот что:
- Здесь петербургская барышня пишет все, что ей приходит в голову
- Это страничка для 100 мечт петербургской барышни

Послесловие. Что из всего этого получилось

Когда я закончила читать эту книгу, мне сначала захотелось просто закрыть. Закрыть и никому не показывать. Так обычно хочется сделать с чем-то давно завершённым: закрыть файл, поставить точку, ну было и было. С кем не бывает.

Но с прошлым вообще редко бывает так просто, особенно с собственным. Мы же представляем взросление как довольно линейный процесс, и непременно по возрастающей. Вот в 20 вылупилась первая версия меня, в 25 чуть улучшенная, в 35 вышло обновление, а к 40 должна наконец появиться рабочая модель с улучшенным интерфейсом, исправленными ошибками и без старых багов.

Было бы очень удобно, если бы это было жизнью.

Только почему-то так не работает.

Я прочитала эту книгу с собирательным образом себя и других питерско-московских девиц. Увидела, как много во мне изменилось. Где-то порадовалась, где-то погрустила. Но это однозначно получился очень терапевтический диалог с собой прошлой.

В 2014 я оставила корпоративную жизнь, с тех пор 12 лет что-то предпринимаю в разных странах мира. Мы пожили в Сочи и Лос Анжелесе, бросили корни и собрали их обратно на Бали и в Мексике, пока окончательно не обосновались во Флориде, США. Но уже думаем перебраться оттуда на западный берег в Калифорнию (сумасшедшие, да). За это время родились три дочери, и мы семейнее самых семейных трусов. Знала бы моя тогдашняя версия чайлдфри, какой мамой я стану, — ни за что бы ей не поверила.

Мы до сих пор счастливы с Димой — «лохматым свитером» по меткому выражению его тёщи — с которым познакомились 11 марта 2010 года в бизнес-школе СКОЛКОВО. Он получал МВА, я работала в маркетинге, получилось неожиданно красиво. Мы создали какой-то бешеный десяток проектов вместе, включая детей, до сих пор бегаем триатлоны, теперь уже вместе с детьми, но когда я писала книгу, я ничегошеньки об этом не знала.

По самой ироничной иронии мы живём в 20 минутах от города St Petersburg (Florida), который основал эмигрант Peter Demens, он же Пётр Дементьев, угадайте откуда, в 1888 году. Там даже есть разводные мосты. Ну ладно — не мосты, а мостики. Но белых ночей, увы, нет. По ним я действительно скучаю. Иногда я до сих пор беру в американском теперь Старбаксе размерчиком venti, но чёрного чая с овсяным молоком. «Пряный чай латте» из концентрата с 26 г добавленного сахара теперь мой ЗОЖ не одобряет.

В России больше нет Старбакса, и некоторые темы звучат почти опасно (типа марша несогласных — но как можно эту часть истории стереть?). Если бы я издавалась в России, мне бы пришлось убирать пассажи про алкоголь и траву на студенческих вечеринках, но как можно это убрать, когда это на самом деле было. Траву я сама никогда не пробовала, алкоголя в моей жизни нет больше десяти лет, но это звучит как исповедь заправского алконавта, а кто им не был, если пережил студенчество. Все там были. Теперь я пью комбучу и матчу, как и многие другие выжившие миллениалы. У каждой нашей бабушки была такая комбуча на кухне и называлась чайный гриб, но мы называем ее комбучей. Как говорят в интернетах, «старыми мы уже были, поэтому будем теперь forever young». Вот и славно.

Я стала аккуратнее там, где раньше была смелее, спокойнее там, где раньше кипела, менее уверенной в собственных универсальных объяснениях жизни и гораздо более уверенной в том, что никаких универсальных объяснений жизни, скорее всего, не существует. Также я не верю в рептилоидов, всемирное правительство и срежиссированный ковид, а в лемурийцев и атлантов верю, и у меня до сих пор есть сумки вроде той мексиканской жабы. Я больше не ношу пальто в куриную лапку, потому что в нашем климате это нелепо, да и вообще то, что носят сейчас, в наши 25 нас бы ужаснуло. Вспомните пояса со стразами, юбки на честном слове и ажурные колготки, а то и чулки в -20. Иногда достаю из дальнего ящика остатки своей коллекции чудесатых чудес, подмигиваю ей, как старому другу, и тихой сапой убираю обратно, пока не растащили дети.

Мы учились в одной гимназии с Лизой Боярской, и папа Михаил встречал ее в своей фирменной шляпе в нашем школьном дворе после занятий. С Олей Бузовой училась и тусовалась моя подруга на геофаке, тогда Бузова еще была

совсем не Бузовой, хотя знаки были (с). Ксюша Собчак для нас была просто дочкой мэра, и мы иногда пересекались с ней на его выступлениях, где танцевали на той же сцене. С Газмановым, Бабкиной и Татьяной Булановой мы тоже выступали под их хиты тех лет. Теперь они снова в топе, Газманов все так же садится на шпагат с прыжка, а мы уже не всегда. Занимательно наблюдать кто куда и как вырос, повзрослел, изменился. Там, в детстве, ты не придаешь особенного значения мечтам других. Со своими бы мечтами разобраться. Спустя время понимаешь, что все как будто бы было понятно.

Я всё ещё замечая странные детали и вижу в случайной фразе человека начало будущего рассказа. Мимолётный сюжет сразу закручивается в голове в историю. Сейчас говорят, что такое не лечится, или что у меня особый тип мышления и мне обязательно нужно проявляться (потом с телефона добавлю смайлик, где тошнит). В этом я не уверена, потому что быть собой и жить свою лучшую жизнь без преувеличений — честнее любых проявлений.

В общем, дорогие свидетели. Моя двадцатипятилетняя барышня никуда не исчезла. Она просто перестала определять мой внутренний мир. Возможно, это и есть одна из важных метаморфоз, которые происходят с нами около сорока. Мы наконец можем позволить себе прежним не исчезать, а дать им признание, да и пойти в свою жизнь дальше в натруженных углах.

Нашему поколению досталась довольно странная биография. Мы успели пожить в мире, где наши дедушки проявляли фотографии, телефоны были только телефонами и звонили подружкам после школы по домашнему, а летом переписывались с ними бумажными письмами (Олька, ММ, Окс, я до сих пор храню ваши в ящиках после продажи квартиры на Моховой).

Потом появился интернет, переписка «по мылу» и ICQ. Потом Вконтакте и прочее вместе со смартфоном. Потом жизнь стала одновременно публичной, архивируемой, измеряемой, сравниваемой и бесконечно ускоряемой. Теперь она ещё стала бесконечно проявленной, и за этим тоже надо как-то поспевать и соответствовать. Или нет.

Теперь мы живём в мире, где ИИ за несколько секунд пишет текст, на который раньше потребовался бы вечер, и никак его не проживает. В отличие от нас. Мы оказались первым поколением, которое успело пожить до цифрового мира и внутри него.

Именно поэтому мы так хорошо понимаем ценность старого файла или что такое записать песню по старинке в студии, не прибегая к помощи Suno. Мы знаем, что значит потерять фотографию, потому что она была одна. Помним, как это — ждать письмо и хранить переписку в одном компьютере.

И одновременно мы живём в эпоху, когда почти всё можно восстановить из облака. Парадоксально, но именно поэтому мне кажется важным иногда искать не файлы, а среди всего этого нового, цифрового, алгоритмизированного — найти себя, живого, человеческого, родного.

В сорок мы уже накопили достаточно материала для собственной истории. Какие-то города, в которых жили. Каких-то людей, которых когда-то любили. Ну и которых не любили — такие тоже имеются.

Работы, которые казались делом жизни, а потом оказались промежуточной станцией. Дети, родители, замуж, разводы, переезды. Дурацкие решения. Правильные решения, которые всё равно привели не туда. Случайные знакомства, изменившие всё. Дома, паспорта, вещи, еще раз вещи, особенно если есть кому множить. Коты и собаки. Все прилипшие артефакты своей истории, которые никогда не сможешь выкинуть, и они переезжают вслед за тобой.

Кроме накопленного, у нас найдётся и то, что так и не случилось среди всего другого прочего важного. Письма, которые так и не отправили. Слова, которые не сказали. Проекты, которые почти состоялись. Мечты, о которых перестали говорить не потому, что они умерли, а потому что стало как-то неловко. В сорок же уже неприлично хотеть, чего отчаянно хотелось в двадцать пять. Будто бы взрослый человек обязан иметь только новые желания. Можно разрешить себе изменить жизнь, но нельзя возвращаться к старому. Фу, какая неприличная чепуха. Снимите это немедленно.

Честно? Я не думаю теперь, что все старые мечты нужно возвращать. Некоторые действительно закончились, как изжившие себя отношения или выученные уроки. Какие-то были красивыми только издалека, какие-то принадлежали человеку, которым мы больше не являемся, а какие-то мы просто переросли и перестали хотеть.

Большой и не самый приятный инсайт моей зрелости: не всякая незаконченная история просит, чтобы её завершили. Помните мемный мем: «закрывайте свои гештальты!». Вот только в реальности это не всегда так.

Как отличить одно от другого. Брошенную мечту и «тот самый файл» как отличить от гештальта, за которым не надо уже гоняться с сачком, а надо бы отпустить. Как не превратиться в ещё один мем, когда нашла старый аккаунт во ВКонтакте, а там всё ещё сидит бывший и смотрит на тебя через увеличительное стекло с Одноклассниками.

Представьте, что открывая старую папку, вы вдруг чувствуете не стыд и не раздражение, а странное узнавание. Там что-то, что по-прежнему трогает «даже через годы, даже через расстояния» и заново вас создаёт. Если в этом осталась важная часть вас, и у вас, как говорит Слава Полунин, «дзынькает», или, там, ёкает, — вот к такому я бы отнеслась внимательно. Это не обязательно сразу про исполнение мечты. Может, и не надо бросаться её исполнять; достаточно признать в собственной биографии: «Да. Это тоже была я». Дать заслуженное признание и, по теории расстановок, отправить на своё место, да и оставить там с Богом.

Теперь я немного иначе думаю и о книгах.

Мы все выросли из советского кредо, что книга — это непременно что-то большое и серьёзное, как том Маркса и Энгельса.

Нужно иметь что сказать, официально стать писателем, потом выяснилось, что нужно непременно иметь аудиторию, а также раскрученный личный бренд и сообщество на сотни человек.

Нужно, чтобы тебя издали, чтобы кто-то прочитал, чтобы были встречи с читателями и сам Цыпкин писал по твоим рассказам пьесы.

На самом деле нет. Нужен всего один человек, который однажды садится и пытается понять: что же, собственно, со мной произошло?

Иногда из этого получается книга, может, получится письмо. Иногда — несколько страниц, которые никто никогда не увидит.

Всё это имеет смысл.

С 2015 по 2022 год у меня была FreePublicitySchool — онлайн-школа, которая помогала публиковать статьи и писать книги. За это время мы помогли одному миллиону книг состояться. Какие-то тиражи были в сотни тысяч экземпляров, и книги стали очень известными. У кого-то книга выходила тиражом в 20 экземпляров, и автор был ничуть не менее счастлив. Кто-то сделал книгу в единственном экземпляре для очень важного человека. У каждого своя история. За 8 лет и даже последующие годы я перечитала их очень много. Онлайн-школу я закрыла, а мне всё приходили просьбы почитать, проконсультировать, вдохновить, написать отзыв. В общем, история про то, что можно выйти из книги, но книжное не выйдет из тебя никогда.

Я это к чему. Чтобы придать дополнительной значимости и щегольнуть авторитетом к тому, что я собираюсь сказать по секрету далее.

Пока событие просто происходит с нами, оно остаётся событием. Когда мы начинаем его вспоминать, связывать, выбирать детали, замечать противоречия, искать слова — оно становится опытом. Когда опыт получает форму, он становится частью истории. Эта история останется только вашей, если вы её никому не расскажете. Но если расскажете — она может стать чем угодно: от последней капли воды до цунами вселенской пользы.

Неудивительно, что именно в момент сбора плодов юности часто хочется как-то это подытожить или, чем чёрт не шутит, переписать. Возможно, именно это мы и делаем с собой во второй половине жизни: не начинаем всё сначала, а начинаем собирать то, что уже прожили, и давать этому место в истории. Как другой мемчик: квашеная капуста, пептиды, паддл, марафон,

led-маска, развод, эмиграция — а с чем вы входите в кризис средних лет? Ну так вот вместо квашеной капусты можно поступить менее радикально: собрать себя в книгу. Не для кого-то — для себя, наконец. Встретиться с собой 25-летним, заново посмотреть на «былое и думы» и, может быть, разглядеть там что-то особенное.

В общем, этот пассаж был про идею написать книгу, даже если она будет адресована всего одному человеку. Если вам до сих пор кажется, что сказать вам нечего, кому это нужно, ну чего я такого напишу, всё уже написали за меня. Поверьте, таких отговорок я за десять уже с плюсом лет наслушалась довольно. Даже не пытайтесь переубедить. Книга — действительно, лучший подарок себе.

Я не знаю, что находится в вашем старом файле. Может быть, там действительно ничего нет.

Может быть, вы откроете его и закроете через тридцать секунд со словами: «Господи, какая ерунда». Это тоже вполне себе результат.

А может, там обнаружится что-нибудь совершенно неожиданное. Среди текстов, которые вы забыли, фотографий, которые заново нашлись, бизнес-планов, которые никогда не состоялись, или рисунков, которые остались жить для себя, — среди всего этого всколыхнётся эмоция, которую заново захочется прожить. На этом месте я хочу вас поддержать.

Не надо сразу ничего с этим делать. Не надо немедленно превращать находку в проект. Не надо срочно реализовываться и даже исполнять мечту. Для начала достаточно открыть. Посмотреть, прочитать, заново познакомиться. Спросить себя не с укором «почему я тогда этого не сделала?». А нежно и бережно: «Почему это до сих пор мне важно?»

Прошлое не обязано быть местом, куда мы возвращаемся. Оно может оказаться местом, откуда можно что-то забрать. Что-то на простом и юном: смелость, любопытность, нелепость, способность отчаянно хотеть, быть смешной, простой и вообще самой собой.

Можно взять оттуда свою ещё не испуганную веру в то, что впереди много всего. Может, ту самую девушку, которую мы когда-то оставили там, потому что решили стать очень взрослыми и серьёзными. Я свою забрала, и она оказалась вполне переносимой. Более того — без неё, как выяснилось, мне было бы довольно трудно добраться сюда, где я есть сейчас.

Так что, если у вас тоже где-нибудь лежит условный старый файл, не торопитесь его удалять. Возможно, там не книга. Возможно, там вы. И, возможно, вам уже пора, наконец, познакомиться заново.

Пусть эта встреча с самым близким человеком — собой — будет самым настоящим приключением.

Если вам захочется этим поделиться — пишите мне на **spb.baryshnya@gmail.com**. Я буду рада!

И снова вдохновения и волшебных пузырьков,

Катя

Clearwater, Florida

2026

Пряности, радости, благодарности

Я уже почти что снова закрыла этот нескончаемый файл, уже было зажмурилась и отправила его ИИ-шке переваривать и верстать (раньше на это требовалась куча дорогостоящих людей, а сейчас - вжух! И мечта готова).

Но. Мысль нехитрая меня посетила.

Я действительно очень-очень люблю и благодарю всех, кто сделал этот мой путь. Здесь не будет посвящений «моей семье и детям, а также собаке Карамельке и Петру I» — как-нибудь в другой раз. А лучше я скажу спасибо всем, кто знал меня той, дружил, любил, а может, любит до сих пор.

Я вас тоже. Очень! Спасибо.

Африка — с которой мы познакомились на первом курсе экфака, сначала ревниво, ибо нужно было выяснить, кто умнее: Вторая Гимназия или Академическая при СПбГУ. А потом решили не спорить, а дружить. Я действительно была у неё свидетельницей на свадьбе, платьев действительно было два, у Наташи горностаевая мантия и торт в виде короны. Мы стали крестными друг друга детей, до сих пор можем написать друг другу среди ночи, вот только не поехать, как раньше, на Опеле Корса наперекор разводным мостам, потому что живём теперь так далеко. После экфака Наташа отучилась у г-жи Черниговской и стала крутым нейропсихологом, взрослым и детям. Вдруг вам нужно <https://t.me/romafkina>. Моя книга — хочу и рекламирую дорогих мне людей!

Олька — с которой дружим со школьных лет, танцевали в ансамбле и сидели вместе на первой парте. Потом учились в одном универе, но на разных факультетах, я на экфаке, она на геофаке с Бузовой (отмечаем как артефакт эпохи). А летом переписывались письмами и сейчас шлем друг другу кружки (не глиняные, а настоящие) про школу и ансамбль. Это трогательно, иногда грустно, а иногда смешно. У Оли красивый коттеджный посёлок для отдыха в Карелии (Микли Ольгино mikli-olgino.ru). Мы там праздновали её свадьбу!

ММ, с которой мы бесконечно обсуждали литературу и ругали НМ, но между этим ещё и мальчиков с девочками. Сейчас уже не так обсуждаем, в основном лайками друг другу, но иногда мимолётный лайк шире распахнутого сердца.

Окс — с которой мы танцевали и тоже учились, потом были влюблены в одного и того же мальчика, правда, последовательно, и поменяли кучу занятий, тоже последовательно. Сейчас Окс нашла призвание по душе и лечит другим душу. У нее прям по Чехову: говорящая фамилия. Вдруг вам нужно полечить душу — вот она в ТГ Оксана Душичева <https://t.me/dushicheva>

Юля Ш. — спасибо, что можно записать аудио длиною в километр или короткое как миг и всё равно быть понятой. А можно не записывать и всё равно быть понятой на любом языке, даже иногда без слов.

Любушка — ты мой главный литературный оппонент, дискусант и дискурс в одном лице. Столько, сколько мы играли словами, Розенталю не снилось. Вспоминаю все наши походы из школы полтора часа пешком до дома с особенной нежностью. Идеальная чашка, пароход-Женя, самописная книга на ДР — это всё она. Идеальный мэтч творчества и интеллекта. Я желаю каждому такого друга.

АБ — первая любовь, с кем можно было спорить про Фромма и обсуждать Канта. Надеюсь, ты меня прости за неправильную подсказку на первой сессии и тройку по философии. В итоге жизнь учит не оценивать, а ценить. И философия оказалась последним предметом, который нам пригодился в жизни, чего не скажешь о трепетном опыте, за который я благодарна.

Ира К. — мой чудесный друг со времен Адэко (Захарьевская, 25). Эпизод о собеседовании оттуда. Офигенный карьерный консультант, творческий, но очень практичный человек. Пример для меня, как можно стать петербургской барышней по собственному выбору (родившись на 800 км южнее). Если нужно посоветоваться по карьере или рекрутингу — Ирина Кузьменкова, агентство Up Step и телеграм <https://t.me/upstep>

Анна Николавна, Ириша, Александра Викторовна и Маринка — «литературный клуб на шпильках», год основания 2009, бизнес-школа

СКОЛКОВО. У нас до сих пор есть чатик про рецепты, детей и всякое другое смешное и (как мы надеемся) умное. Спасибо, что первыми прочитали мой «Сапсан» и не дали ему почить в Бозе.

Наталья Григорьевна, Людмила Маратовна, Марина Георгиевна, МихВас, Сергей Владимирович (“не Борисович, Иноземцева, а Владимирович я!”), Раиса Ивановна, Валерий Дмитриевич и Людмила Сергеевна, Галина Владимировна, Галина Ивановна и Наталья Николаевна, Наталья Михайловна, Ольга Павловна, а также учителя истории города, имени которых я уже не помню, но всё равно благодарна.

Александр Максимович Саломатов, Людмила Владимировна и Максим. Ансамбль «Петербургский сувенир» — это точно из серии «мои университеты». Без вас точно не было б меня. Вечная память АМ, вечная благодарность ансамблю.

Мои сколковские учителя и друзья-коллеги: мудрейший Гор Борисыч и Нуна, любимый шеф Антонио, ТЩ, Леночка Бонда, Ирина Сан-на, Света и Аня Х.

Эмилю Пирумову вечная память.

Рубену Карленовичу Варданяну свободу и низкий поклон!

Финальное спасибо Оле Смирновой — иллюстратору этой книги, с которой мы тоже дружили со школы и слушали группу TATU (all the things she had!) Комната в стиле картин Эшера и студентка архитектурного — это она. Слава таланту!

Ну теперь точно Конец!

Хотя...кто знает, кто знает